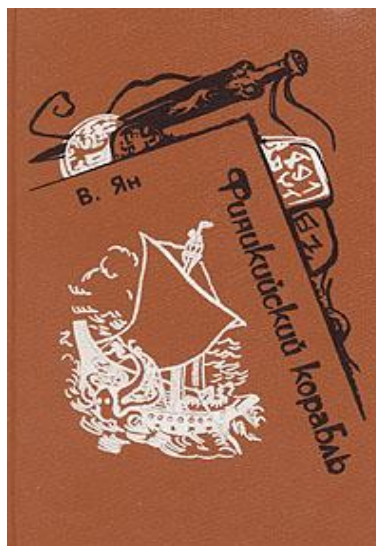

Василий Григорьевич Ян

«Финикийский корабль»

Василий Григорьевич Ян
ФИНИКИЙСКИЙ КОРАБЛЬ
Историческая повесть

ОТ АВТОРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПУТНИК НА БЕЛОЙ ОСЛИЦЕ

1. СТРАННЫЙ СТАРИК
2. ГОРШЕЧНИК РАССЕРДИЛСЯ
3. КОРАБЛЬ "СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА"
4. Я ПОМОГАЮ СТАРИКУ
5. ПОЕЗДКА В СИДОН
6. "СЫН СОЛНЦА И МОРЯ"

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ГДЕ МНОГО ЗОЛОТА - МНОГО ПЕЧАЛИ

1. КОРАБЛЬ ПОШЕЛ ПО МОРЮ
2. МЕШОК БЕЗ ХОЗЯИНА
3. ВДОЛЬ ФИНИКИЙСКОГО БЕРЕГА
4. ГОРОД ЗОЛОТА И СЛЕЗ
5. "ПРОЧТИ И ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ"

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЛАЛА-ЗОР, ГРОЗА МОРЕЙ

1. СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА БРОДИТ ПО НЕБУ
2. СЛУШАЙ ЛАЛА-ЗОРА!
3. ГНЕЗДО ПИРАТА

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КАРФАГЕН

1. НАС БЫЛО ТРИНАДЦАТЬ
2. РОЗОВЫЙ ГОРОД
3. КАК ЗАПЛАКАЛ КАМЕННЫЙ БОГ
4. УЧЕНЫЙ СУНХАНИАФОН
5. НА УРОКЕ

6. СОВЕЩАНИЕ КОРМЧИХ
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. "НАС ТРЕПАЛИ СМЕРТИ..."
1. СТОЛБЫ МЕЛЬКАРТА СДВИНУЛИСЬ
2. НОВЫЙ ПРИЯТЕЛЬ
3. СТРАНА КАНАР
4. "ПУТНИК, НЕ ОБМАНЫВАЙ ЭТИХ ЛЮДЕЙ..."
5. БЕРЕГА ПРОПАЛИ
6. ГОСТЬ СО ДНА МОРЯ
7. СЧАСТЛИВЫЕ ОСТРОВА
8. НАДО СПРОСИТЬ ПРЕДКОВ...
9. СОФЭР ПОКИНУЛ НАС
ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ АВТОРА

Любитель древностей доктор Виктория Мартон, несколько лет назад производя раскопки на восточном берегу Средиземного моря, в Сайде, на месте, где когда-то стоял знаменитый финикийский город Сидон, нашла в земле, на глубине семи метров, небольшую библиотеку. Книги этой библиотеки были не похожи на наши. Они состояли из множества глиняных обожженных плиток одинакового размера. На плитках были выдавлены буквы.

Библиотека, найденная Мартон, написана около трех-четырёх тысяч лет назад. Возможно, что раньше она находилась в доме какого-нибудь сидонского жителя, дом обвалился во время войны, землетрясения или пожара и плитки оказались засыпанными землей и камнями. На этом месте затем строились новые дома, которые опять разрушались. Так проходили годы, столетия и тысячелетия, и постепенно библиотеку засыпало толстым слоем "пыли веков".

Благодаря этому покрову древняя библиотека сохранилась до настоящего времени. Ученые прочли и перевели то, что было написано на плитках. Среди отрывков древнейших сочинений по медицине, астрологии и истории оказались также более поздние записки одного моряка о его удивительных приключениях на разных морях. Записки эти послужили основой для повести "Финикийский корабль"...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПУТНИК НА БЕЛОЙ ОСЛИЦЕ

1. СТРАННЫЙ СТАРИК

Утром Ам-Лайли*, как всегда, разбудила меня на рассвете.

---

* Ам - по-финикийски "мать"; Л а й л и - женское имя.

- Вставай, Эли, - шептала она мне на ухо, - довольно спать. Твой хозяин будет бранить тебя, если ты не прибежишь раньше его. Я тебе сварила чечевичную похлебку. Слышишь, как она приятно кипит?

Мне не хотелось вставать. Тепло лежать, свернувшись на бараньей шкуре, прикрывшись старым плащом отца! Я приоткрыл глаза. В очаге пылал огонь. Медный котелок, поставленный на два кирпича, ворчал, выпуская клубы пара. Мать сидела около

меня на полу. Красный отблеск огня освещал ее худое смуглое лицо. На щеке у нее выделялись синие черточки - от дурного глаза. Рукой она гладила меня по голове, стараясь разбудить.

За дверью раздались странные звуки, как будто вздохи и рыдания. Мы тихонько встали и подошли к двери.

- Кто там? - спросила мать.

- Помогите мне! - послышался хриплый голос. - Я путник, пришел издалека. Моя ослица захромала. Я выбился из сил, идя пешком. Не бойтесь меня: я совсем слаб и болен.

- Тише, не отвечай! - прошептала мать. - Может быть, это разбойник и только обманывает, чтобы войти в дом.

По лесенке, через дыру в потолке, я взобрался на крышу и осторожно посмотрел вниз. Действительно, около дома стояла, свесив длинные уши, белая старая ослица. Через спину ее были перекинуты два туго набитых мешка с красно-зелеными полосами. Около двери сидел, съежившись, старый человек с длинными растрепанными волосами и седой бородой. Он всхлипывал и бормотал:

- Неужели теперь, когда я добрался до самого моря, злой глаз судьбы раздавит меня! - Он поднял руки к небу и воскликнул: - О лучезарное солнце, появись скорее, согрей мое замерзающее тело!

Неожиданно под моими руками обвалился кусок глиняной крыши и упал на старика. Он заметил меня.

- Кто ты, кудрявое дитя с черными глазами? Как зовут тебя?

- Меня зовут Элисар, сын Якира.

- Но Элисар значит "тот, кто приносит счастье", а Якир значит "добрый". Поэтому думаю, что ты послан самим солнцем и не можешь принести мне горе...

Солнце бросило первые лучи из-за Ливанских гор.

Мне стало жаль старика.

- Подожди еще немного, путник, перестань плакать. Я поговорю с моей Ам-Лайли. Она самая добрая на земле и, наверное, тебе поможет.

Я спустился обратно в хижину и рассказал все моей матери. Она посмотрела в сторону, сдвинув брови, закутала покрывалом лицо, так что остались видны только ее черные глаза, и отодвинула деревянный засов двери.

- Войди, путник, - сказала она. - Эли, отвяжи мешки и внеси в дом, а ослицу введи во двор и привяжи около курятника.

Путник с трудом встал и, цепляясь за стену, хромая, перешагнул через порог. Он сперва казался страшным: волосы дыбом стояли на голове. Но голос его звучал ласково.

Подойдя к очагу, он опустился около огня на скамеечку, вдруг оживился и протянул руку:

- Что это такое? Кто сделал такие красивые вещи?

Около очага стояло несколько глиняных корабликов и других игрушек, которые я слепил. Кораблик я сделал совсем такой, какой видел в море: с изогнутым носом, с высокой кормой и перилами для кормчего, с отверстиями в боках для весел.

- Уже год, как я работаю у горшечника, - объяснил я старику. - У него я научился лепить такие кораблики, чтобы они служили светильниками. В середину надо налить масла, а на носу корабля и на его корме выпустить концы двух фитилей. Тогда светильник может гореть двумя огнями. Я обжег эти игрушки в печи у моего хозяина и хочу продать их в Сидоне на базаре.

- Это искусство тебя прокормит, - сказал старик. - Я куплю вот этот светильник, он поможет мне написать книгу - мне, Софэру многоязычному, Софэру-лекарю, бродящему по миру в поисках убежавшей от людей правды.

Старик развязал широкий шерстяной пояс, вынул из него кожаный кошель, достал оттуда серебряное кольцо и дал его мне.

Это было целое богатство! Я поблагодарил путника и отдал кольцо Ам-Лайли.

- Ты сегодня получишь медовые лепешки, - шепнула мне она.

2. ГОРШЕЧНИК РАССЕРДИЛСЯ

Ам-Лайли принесла глиняный таз и кувшин с водой. Старик вымыл руки и вытер их полосатым полотенцем, которое ему подала мать. Она налила в миску чечевичную похлебку. Мы со стариком сели друг против друга и, обмакивая в густую кашу кусок лепешки, брали темные зерна и ели в задумчивом молчании.

Мать стояла в стороне и, подперев щеку рукой, следила за нами.

Потом она дала мне завернутый в тряпку кусок лепешки и печеную свеклу, а старик положил голову на руки и сразу заснул. Я скорей побежал к горшечнику.

По улице уже проходили рыбаки с веслами и гарпунами на плечах. Перебегали дорогу женщины с горшками горячих углей. Над плоскими крышами вились голубые дымки.

Я добежал до мастерской горшечника и спросил у раба, который разбивал молотком сухие куски глины:

- Где хозяин?

Он буркнул:

- Уже шипит!

Я осторожно протиснулся к двери. Хозяин расхаживал по мастерской и осматривал большие и маленькие глиняные кувшины. Длинными рядами стояли они на полу и на деревянных полках вдоль стены. Одни уже были покрыты узорами, другие, не обожженные еще, ждали, чтобы старый искусный мастер, тоже раб, нарисовал на них женщин в ярких одеждах, деревья, оленей, коз и охотников с копьями, которые гонятся за львами.

Я пробрался к печке, стараясь не шуметь, влез в отверстие, сгреб в сторону золу и стал раздувать вчерашние угли, пока не затлел огонек; тогда я положил жгут сухой соломы, и огонь весело затрещал.

"Как хорошо, - подумал я, - удалось сразу разжечь!"

Беда, если огонь долго не разгорается или вовсе потухает! Тогда хозяин сердится и кричит, что это плохая примета и случится несчастье: либо лопнут горшки, либо кто-нибудь из рабов заболит.

Я стал вылезать из печи, и вдруг что-то обожгло мне спину.

Хозяин стоял около печи с плетью. Его лицо, сморщенное, как скорлупа ореха, с растрепанной бородой, было сердито.

- Ты почему опоздал? - закричал он. - Обленился? Кто в детстве был лентяем, тот в старости будет нищим - запомни это. - И он опять ударил меня плетью по ногам. - Ты еще мальчишка, отца у тебя нет, и я должен учить тебя мудрости. Вот я и бью тебя. А что ты должен сказать мне в ответ?

- Спасибо, дорогой Абибаал, за науку, - прошептал я.

- Ты вот опаздываешь, а у меня из-за этого не сохнут горшки!.. Ах, вот что, дерзкий щенок? Ты еще смеешься?

Хотя мне и было больно от плети, но у горшечника, когда он сердится, так смешно трясется борода, совсем как у козла, что я засмеялся против воли.

- Чему ты смеешься? Говори! - Горшечник снова поднял плеть.

Разве я мог упомянуть про его почтенную бороду? Поэтому я сказал:

- Мне смешно вспомнить, что чудной старик мне подарил за глиняный кораблик настоящее серебряное кольцо.

- Какой старик?

Я рассказал, что случилось утром. Абибаал замахал руками и забегал по мастерской.

- Это, вероятно, большой богач! Ты его приведешь ко мне, я ему буду продавать мои светильники и кувшины или я с ним открою большую торговлю посудой и сразу разбогатею.

Он охал, качал головой, наконец сел за гончарный круг.

- Встань около меня и учись, как надо работать.

Перед ним находилась деревянная круглая доска, прикрепленная к прямой подставке. Внизу к этой же подставке был приделан второй деревянный круг. Горшечник толкал ногой нижний круг, и тогда верхний круг вертелся то медленнее, то быстрее - как было нужно хозяину.

Я подаю кусок мягкой глины. Он с размаху опускает его на середину круга и обминает руками, а круг все время вертится. Потом он вдавливая четыре пальца в середину глины, а большим пальцем прижимает глину снаружи. Крутящаяся глина под его пальцами начинает превращаться в грубую чашу; тогда он, сжимая пальцы, тянет глину вверх, стенки становятся все выше и тоньше. Руки он постоянно мочит в миске с водой, почему глина легко скользит.

Что он захочет, то и делается под его пальцами из вертящейся глины. Сперва у чаши стенки все расширяются, но он подхватывает края снаружи и начинает сжимать. Тогда у чаши суживается верх, вытягивается узкое горло, и получается пузатый кувшин, в каком у нас дома хранится оливковое масло.

Хозяин останавливает круг и туго натянутой ниткой срезает кувшин под самым дном. Тогда я беру его бережно, чтобы не помять, и ставлю на полку рядом с другими кувшинами. Такой кувшин должен хорошенько просохнуть. Потом его прожигают в печи, и он делается крепким. Если он недостаточно просох, то во время обжига может лопнуть.

Работы было много, время летело быстро. Уже близился вечер. Хозяин ворчал, что расходов много, а торговля идет медленно, и все вспоминал странного старика, который мне хорошо заплатил.

Вдруг раздался стук в дверь и просунулась знакомая лохматая голова старика. Он окинул взглядом мастерскую и пробормотал:

- Мир и счастье этому дому полезного дела! - Затем он заметил меня и воскликнул: - Вот я и нашел тебя, мальчик Элисар, приносящий счастье! Где же твой хозяин?

Хозяин догадался, кто это пришел, ополоснул руки, вытер их о передник и поспешил навстречу гостю:

- И тебе тоже удача во всех делах твоих! Входи, путник.

Он взял под руку старика и ввел его в мастерскую.

- Не нужны ли тебе кувшины? Смотри, какие большие и как хорошо нарисованы на них цветы и звери! Не нужны ли такие чаши или эти светильники?

Старик отмахивался, а горшечник тащил его вперед, показывая свои изделия.

- Мне нужны глиняные плитки, только ровные квадратные плитки, и я их возьму сырыми. Потом принесу обратно, и ты обожжешь их в печке. Сколько будет стоить сотня таких ровных квадратных плиток?

Горшечник помедлил и сказал:

- Сто таких плиток будут стоить десять серебряных колец.

Старик пристально посмотрел на горшечника, подумал, посвистел и направился к двери.

- Если мышь захочет проглотить верблюда, то лопнет, - сказал он и вышел.

Тогда горшечник так рассердился, что неосторожно раздавил кувшин, который только что слепил, и закричал на меня:

- Как посмел этот чужеземный бродяга назвать меня мышью? И он еще живет в вашем доме? Да ты нарочно привел его ко мне, чтобы он посмеялся надо мной! За это не стану

больше держать тебя - убирайся с глаз моих! И, схватив плеть, горшечник бросился на меня.

Я успел поднять свой плащ испачканными в глине руками и в страхе выбежал вон из мастерской.

3. КОРАБЛЬ "СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА"

Выскочив на улицу, я остановился и стал ждать, не позовет ли горшечник меня обратно. Я приоткрыл дверь и заглянул. Горшечник вскочил с места.

- Как, ты опять здесь? - крикнул он и бросил в меня комком глины.

"Кажется, дело кончено", - подумал я и медленно побрел по улице. Мне казалось, что мои ноги так тяжелы, точно к ним привязаны камни. Я спустился к морю. Оно было беспокойно. Большие волны подымались, с грохотом падали и разбивались у моих ног.

Волны оставляли на гладком мокром песке мелкие ракушки, мертвых рыбок с колючками на боку, черные набухшие обломки дерева - может быть, щепки разбитых кораблей.

Я давно не был на морском берегу: целые дни приходилось работать в мастерской, мять глину и смотреть за печкой.

Ветер обдувал мне лицо и трепал волосы. Я оглянулся - лодок не было. Вероятно, все рыбаки ушли в море на рыбную ловлю.

Под береговым обрывом несколько человек стучали топорами и возились около остова корабля. Я направился туда. Этот корабль имел вид павшего верблюда, которого обглодали шакалы. Голые ребра торчали с обеих сторон. Они были прикреплены к бревну, лежавшему на земле. Один конец бревна загибался кверху. Я подошел ближе. Как это мастера изогнули такое толстое бревно?

Рабочие обшивали досками ребра корабля; они сверлом буравили дырки и затем загоняли в них большие деревянные гвозди.

Постройкой распорядился человек, с виду моряк, который мне сразу понравился. Он был сильный, крепкий, загорелый. Его кудрявая голова была перевязана ремнем. Темная шерстяная рубашка подпоясана широким кожаным поясом, на котором висел большой нож в деревянных ножнах. Лицо было веселое, со смелым взглядом, и я подумал: "Хорошо бы и мне быть таким смелым моряком!"

- Куда гребешь? - спросил он меня.

- Смотрю и думаю, как вы согнули такое большое бревно, - ответил я.

- Нос корабля должен быть очень крепок. Мы отыскиваем в Ливанских горах такое дерево, у которого очень толстый изогнутый корень, очищаем ствол от ветвей, а корень сохраняем. Видишь, ствол кедра лежит внизу как основа - киль корабля, а корень подымается кверху.

Около меня послышалось знакомое сопение. Старик Софэр подошел к нам; он слушал объяснения моряка.

- Ты ли хозяин этого корабля?

- Я вместе с товарищами только строю корабль, - ответил моряк, - а хозяин живет в Сидоне. Это богатый купец, он ведет большую торговлю. Повсюду у него склады товаров и множество кораблей. Они плавают по всему свету. Макара заказал мне построить корабль побольше и покрепче обыкновенного. Этот корабль будет плавать в самых далеких морях, у сердитого океана, где начинается вечная ночь.

- Могу ли я поехать на этом корабле?

- Хозяин Макара деньги любит, и если ты заплатишь, то можешь ехать хоть до конца света.

- Ладно, - сказал старик. - Съезжу в Сидон, поговорю с купцом Макаром. Спасибо за то, что рассказал!

- Плыви дальше с попутным ветром! - ответил моряк.

Старик, держа меня за плечо, бормотал:

- Славный будет корабль! На нем смело можно доехать до Счастливых островов. Пойдем, Элисар, домой. Проводи меня.

Я нехотя побрел домой. Как рассказать матери, что Абибаал прогнал меня? Ей ведь так нелегко было упротисить его, чтобы он взял меня в ученье.

- Элисар, почему ты вернулся так рано? - спросила мать, едва мы ступили на порог.

Я остановился, не решаясь сказать.

- Ну, говори же! Что-нибудь плохое?

- Меня Абибаал выгнал вон и бросил вдогонку кусок глины.

- Что же ты наделал? - всплеснула она руками. - Вероятно, ты разбил кувшин или нагрубил хозяину? Ну не плачь, стыдно мальчику плакать!.. Почтенный путник, входи с миром. Очаг согреет тебя.

4. Я ПОМОГАЮ СТАРИКУ

Узнав о моем горе, старик сильно взволновался:

- Как же так: ты учился ремеслу, старательно работал - и вдруг хозяин без всякой причины тебя прогоняет? Здесь несправедливость и человеческая злоба.

Мать сказала:

- Может быть, еще все уладится. Я сама схожу к горшечнику, обниму его ноги, и тогда он пожалеет бедную женщину, потерявшую кормильца дома.

- Нет! - воскликнул старик. - Этот горшечник мне не нравится: у него вид откормленного индюка. Может быть, твой мальчик сумеет заняться другим делом, которое будет не хуже, чем ремесло горшечника.

- Но только чтобы он не сделался моряком, - сказала мать и ушла в угол; она молча плакала.

Старик позвал меня к себе:

- Подойди сюда, сядь передо мной; слушай и отвечай на мои вопросы.

Он опустился на скамеечку, а я, подобрав под себя ноги, сидел против него на камышовой циновке.

- Знаешь ли ты, где можно найти хорошую, чистую глину без примеси песка?

- Еще бы не знать! Ее много там, близ дороги к Ливанским горам.

- Отлично! Мог бы ты наделать глиняных плиток величиной с мою ладонь? - Он показал сморщенную кисть, покрытую волосами, и растопырил пальцы. Только плитки надо делать ровными, одинаковыми и чистыми.

- Чтобы они были одинаковы, я сперва сделаю деревянную дощечку такой величины, как тебе нужно, а потом уже буду по этой дощечке обрезать ровные глиняные плитки.

- Ты хорошо смекнул. Если ты мне будешь изготавливать такие плитки, я тебе буду за них платить столько же, сколько хотел платить горшечнику. Завтра же ты возьмешься за дело.

Я подумал: "Зачем Софэру нужны эти плитки? Не хочет ли он их обратить в золото, как, говорят, умеют это делать хохомы?*"

---

* Х о х о м - ученый, мудрец.

Но плитки нужны ему были для другого.

- Ты хочешь научиться читать и писать? - спросил Софэр.

- Это только ученые люди могут заниматься таким трудным делом, проговорила из угла мать. - А при нашей бедности разве мы можем учить этому наших детей!

Софэр взял прутик, насыпал золы на пол, разгладил ее и начертил мне такой знак:

- Что это тебе напоминает?

Я подумал, посмотрел справа, посмотрел слева и сказал:

- Если повернуть немного, то этот знак похож на голову быка с рогами и ушами, - и нарисовал пальцем на золе.

- Верно! Вот этот знак и есть "алеф", по-сидонски* значит "бык". Если мы этот знак напишем, то будем говорить "а". А вот этот знак похож на дом или шатер - "бет" - и произносится как "б". Ты можешь его повернуть вот так, и тогда он совсем похож на шатер, из которого идет дымок. Ведь наши деды не жили в земляных хижинах, как мы живем теперь, а кочевали с баранами по полям: то здесь расставят свои шатры, то в другом месте, где хорошая трава.

---

* Финикияне называли себя сидонцами или "сынами Анат" - "бени Анат".

Мать подошла ближе и тоже внимательно смотрела, как старик рисовал на золе свои значки.

- Этот знак не напоминает ли тебе голову нашего большого друга и труженика верблюда - "гимель", голову на длинной тонкой шее? Этот значок читается как "г". А вот этот вьется, как волна, и означает "мем" - "вода" - и читается как "м".

Так Софэр стал мне показывать разные буквы, и я в первый же день выучил, как пишутся некоторые из них. Их можно складывать вместе, и тогда получаются интересные слова. Писать надо справа налево. Первое слово, которое я написал, было "ам", что значит "мать".

На другое утро, когда совсем рассвело и повсюду заблеяли козы, уходившие с пастухами в горы, я побежал к моим друзьям. Они на гумне, около мельницы, заняты были игрою в "шарики".

Все почти были в сборе: Менахем с разбитой губой, тощий Мендола, обжора Гамалиель - две редьки торчали у него за пазухой, - косой Бахья и маленький Ханания. Бахья, прищурив один глаз, целился в рассыпанные глиняные шарики; ловко сбив сразу три, он вдруг увидел меня и закричал:

- Эли, разве сегодня праздник, что ты с нами?

Я раздувался от важности - ведь я мог им рассказать столько новостей, о которых они и не подозревали.

- Сознайся, что ты плохо смотрел за телятами Абибаала и он тебя прогнал, - заметил Гамалиель, принимаясь за редьку.

- Ну так что ж, что прогнал? Зато вчера я смотрел, как строят корабль, и научился писать слова! - И я рассказал им и про старика, и про купленный им мой глиняный кораблик.

Мальчики слушали раскрыв рты, а маленький Ханания даже сел на землю и заревел, говоря:

- Я боюсь, что старик придет ко мне ночью и будет охать и кашлять!

Но остальные на него зашикали. Гамалиель сунул ему в рот недоеденную редьку, и Ханания замолк.

Все мои друзья - отчаянные храбрецы; сколько раз мы вместе ходили на кузницу сердитого Бен-Барзила, и, хотя он бранился и грозил щипцами, мы все равно смотрели, как он плавил медь, светившуюся как солнце; вместе мы пускались на старой лодке в море, ныряли за крабами, каракатицами и морскими ежами, лазили в чужие огороды за горохом, но никогда друг друга не выдавали. Все мы однолетки, кроме маленького Ханании.

Друзья пошли за мной - они хотели посмотреть на волосатого старика и на его старую бедную ослицу. Тихонько вошли мы в хижину и остановились у дверей. Старик, увидев нас, приподнялся и облокотился на руку.

- Кто эти маленькие люди? Я плохо вижу, - простонал он.

- Это мои друзья, дети авалинских рыбаков. Они пришли пожелать тебе скорее выздороветь.

Гамалиель громко воскликнул:

- Проживи сто тридцать лет и повидай весь свет!

- После такого пожелания, конечно, я поправлюсь и еще объеду самые далекие страны.

- Ступайте, не мешайте Софэру-бобо*, - сказала мать. - А ты, Эли, посиди около больного и, если он попросит пить, дай ему козьего молока.

---

* Б о б о - по-финикийски "дедушка".

Я сел около старика и слушал, как он бормотал непонятные слова на каком-то чужом языке.

Дней десять старик почти не вставал и постепенно поправлялся. Для меня это время даром не пропало: Софэр каждый день занимался со мной чертил палочкой на песке буквы, которые он мне показал.

ФИНИКИЙСКАЯ АЗБУКА*

А - алеф, бык

В - бэт, дом

Г - гимель, верблюд

Е - э** ?

В - ван, гвоздь

Ц - цаин, оружие

Х - хэт** ?

Т - тэт, змея

И - йод, рука

К - каф, ладонь

Л - ламед, колючка

М - мим, вода

Н - нун, рыба

С - самех, опора

О - ойн, глаз

Ф - фэ, рот

С - садэ** ?

К - коф, затылок.

Р - реш, голова

С - син, зуб

Т - тау, значок, тавро

---

* Приведенная автором "финикийская азбука" - это греческая азбука, происшедшая из финикийской, где каждая из "букв" была слоговым знаком. Здесь пропущен знак "далета" (дельта) и некоторые другие. (Прим. А. И. Немировского.)

** Значение букв "э", "хэт" и "садэ" не выяснено.

За это время я натаскал домой глины, размял ее, очистил от камешков и приготовил старику сто таких ровных плиток, какие ему были нужны.

Тогда Софэр-бобо вытащил из мешка кусок стекла* странной формы. Оно напоминало большую чечевицу; с обеих сторон стекло было выпукло. Потом он достал костяную палочку - один конец ее был острый, другой оканчивался лопаточкой.

---

* Финикия славилась выделкой стекла.

Затем я подавал ему на доске глиняные плитки, еще сырые и мягкие, и старик очень искусно и быстро выдавливал лопаточкой и царапал иглой буквы, которые я уже немного знал. Кусок стекла он держал перед глазами и смотрел через него.

- Почему ты смотришь сквозь стекло?

- Это замечательное стекло, и за него я заплатил дорого литейщику. Если смотреть сквозь это стекло, то самые маленькие мушки или жучки делаются такими большими, точно они выросли в сто раз. Если бы не было у меня этого стекла, я бы не мог написать ни одной строки. А теперь я пишу на этих плитках целую книгу о том, как я приехал из города Мараканды* в Вавилон и оттуда - сюда, к берегу моря.

---

* М а р а к а н д а - так в древности назывался город, находившийся на месте нынешнего Самарканда в Узбекистане.

И старик усердно ставил значки на глиняных плитках и наконец исписал одну за другой все сто, которые я приготовил.

Мать ходила к горшечнику Абибаалу, чтобы с ним условиться, не возьмет ли он обжечь эти плитки.

Горшечник Абибаал перестал сердиться; сам пришел к нам в хижину, уселся на циновке около Софэра и заговорил очень почтительно:

- Вай-вай! Сколько мудрости в твоей седой голове! Ты, наверное, понимаешь, что поет ветер или о чем трещит сорока. Ты можешь напускать болезнь и прогнать ее. Поэтому не сердись на меня - я опять возьму в ученье мальчика Эли и сделаю из него настоящего мастера.

Горшечник взялся обжечь в печи все написанные плитки и обещал делать это и впредь за плату.

5. ПОЕЗДКА В СИДОН

Когда Софэр поправился от болезни, он решил съездить в город Сидон.

- Я в Сидоне повидаю купца Макара и заодно разыщу тех людей, которые увезли твоего мужа Якира на работу к иудейскому царю Соломону. Я все от них выведаю, и потом мы постараемся его вернуть домой.

- Уже три года мы ничего не знаем, где Якир и жив ли он, - вздохнула Ам-Лайли.

Утром Софэр вывел белую ослицу со двора и, встав на камень, без посторонней помощи уселся на нее.

Мать решила тоже пойти в город, чтобы скорее узнать что-либо об отце и продать корзинку яиц и спряденные ею нитки.

- Ты будешь моим проводником, - сказал мне Софэр, - а не то в этом шумном городе я потеряюсь, как горошина в мешке орехов.

Ам-Лайли повесила на дверь большой деревянный замок, и мы тронулись в путь.

Дорога к Сидону идет берегом через холмы. С левой стороны спускаются склоны Ливанских гор. На них разбросаны рощи, сады, поля, и всюду работают крестьяне. Одни мотыгами копают землю, другие, положив правую руку на рукоятку плуга*, покрикивают на рыжих волов, которые, мотая головами и отгоняя надоедливых мух, взрывают ровные борозды. Весело бегут ручьи по канавкам, сворачивают в стороны, заливают водой поля, затем опять вливаются в канавки, чтобы дальше снова напоить корни виноградных лоз или грядки огурцов, дынь и других овощей.

---

* В древней Финикии и Сирии плуг был с одной рукояткой.

Справа - синее море, по которому плывут крутобокие корабли: одни надув заплатанные паруса, другие - оцетинившись длинными веслами. Весла разом ударяют по воде, взбивая белую пену.

Чем ближе мы подходили к городу, тем больше прибавлялось путников. Поселяне везли на ослах овощи, связанных за ноги кур, снопы свежескошенной травы.

Встречались целые караваны груженных верблюдов, которые, позванивая колокольчиками, мерно ступали широкими раздвоенными копытами по пыльной дороге.

Софэр всю дорогу заговаривал с встречными, узнавая каждого по одежде, и говорил с ними на разных языках, мне непонятных.

А я сзади подгонял ослицу веткой и думал: "Конечно, Софэр очень ученый, но как он будет зарабатывать себе на жизнь, такой старый и беспомощный? Как не боится он пускаться в далекие скитания? Другие старики лежат на крыше, греясь на солнце и боясь сойти вниз, а не то что искать конца земли"*.

---

* Земля в те времена считалась плоской и круглой, как блюдо, окруженной бесконечным Внешним морем (Атлантическим океаном).

Софэр указывал на город и говорил мне:

- Смотри, Элисар, какие толстые стены у Сидона. Они прочны, как скалы. О, печать мудрости! О, венец красоты!

Когда мы приблизились к самому Сидону, на узком перешейке, ведущем с берега к воротам города, сгрудилось много народу. Пастухи гнали баранов и быков; животные блеяли, мычали. Несколько человек столпилось около нас. Они заговорили с Софэром:

- Ты куда собрался, старик? Сидел бы дома, скоро смерть тебя заберет.

- Это ты сиди дома, - отвечал Софэр. - А пока смерть меня разыщет, я еще успею трижды объехать землю.

- Не на твоей ли ослице? Привяжи к ее хвосту парус и плыви.

- Не всякому удастся и один раз объехать землю, только один Лала-Зор сумел сделать это.

- Какой Лала-Зор? - оживился старик.

- Кто же в Сидоне не слышал про Лала-Зора! Все моряки поют песню про Лала-Зора - как он проехал столбы Мелькарта* и встретился с морским драконом толщиной с быка и длиной в тысячу шагов.

---

* С т о л б ы М е л ь к а р т а - древнее название Гибралтара.

У греков и римлян скалы Гибралтара назывались "Столбы Геркулеса" (или Геракла).

- А как бы мне найти Лала-Зора?

- Вот чего захотел! Это Лала-Зор найдет тебя даже на дне моря. Все сидонские корабли уже несколько лет гоняются за ним, и все без толку. Ведь Лала-Зор называет себя царем всех морских разбойников.

Поток человеческой толпы оторвал нас от собеседников и увлек сквозь ворота в улицы Сидона.

6. "СЫН СОЛНЦА И МОРЯ"*

Мне показалось, что я попал в длинную, бесконечную мастерскую. Одна за другой тянулись кузницы, где почерневшие от копоти кузнецы колотили молотками, отделявая котлы, мечи и ножи. Далее плотники строгали или долбили деревянные обрубки. Другие мастера раскрашивали красивые скамейки и стулья с изогнутыми ножками. Стекольщики

через глиняные трубки выдували стеклянные бутылочки, играющие всеми цветами радуги. Тут же чередовались лавочки, где сидели важные, нарядно одетые купцы с длинными, завитыми в колечки волосами и продавали материи, посуду, душистые втирания, корицу, амбру и прочие привезенные издалека товары. А сверху над мастерскими и лавками выступали углы стены домов с окнами, закрытыми затейливыми решетками. Сквозь них смотрели на шумную улицу разодетые женщины и дети с обведенными черной краской глазами; они ели сладости и сбрасывали на прохожих скорлупу миндаля и орехов. В этих лавках лежало столько различных вещей, что их и в год нельзя было бы пересчитать.

---

* Богатый торговый город Сидон в древности часто назывался "Сын солнца и моря".

В одной лавке разложены разноцветные яркие материи, возле них стоит продавец и кричит прохожим:

- Хайят, хайят (портной)! Сошью отличное платье до восхода солнца!

Далее продаются кожаные сандалии разных цветов и всех размеров. Санделяр (сапожник) продает эти сандалии, конечно, только богатым покупателям. Не мне думать о них. Я хожу босиком или в деревянных сандалиях, похожих на скамеечки. Их сделал еще мой отец.

Мать остановилась около одной мастерской, на дверях которой висели длинные нитки разных цветов.

- Шезури, шезури (прядильщик)! - кричал хозяин, который сидел на ковре и искусно пряд шерстяные нитки, наматывая их на большую деревянную рогульку.

Он взял у матери моток ниток, взвесил их на блестящих медных весах и стал торговаться, понемногу набавляя цену и уверяя, что нитки недостаточно тонкие. Ам-Лайли в конце концов продала ему нитки.

Из пекарни до меня донесся запах свежесдобитых лепешек, и я со вздохом прошел мимо груды кренделей и палочек, политых медом. На базаре мать осталась в том ряду, где жители нашего селения обычно продают рыбу, кур и овощи. Она позволила мне пройти дальше, к Северной гавани, вместе со стариком, и я пошел впереди, держа повод ослицы.

Мы скоро подошли к каменному молу, сложенному из больших, ровно обтесанных камней. Тут стояли рядом бесчисленные сидонские черные корабли с поднятыми носами. Я повел ослицу прямо к кораблям и остановился, глядя, как носильщики, согнувшись под тяжестью мешков, сперва медленно взбирались по узеньким доскам на корабли, а затем бегом возвращались обратно на пристань за новым грузом.

Около одного корабля на коврик сидели женщина и два маленьких мальчика. У всех были выбелены мелом руки и ноги в знак того, что они продаются. Толстый владелец корабля с длинной завитой бородой, с золотыми серьгами в ушах громко нараспев кричал:

- Продаются молодая женщина и двое мальчиков! Можно купить всех вместе или каждого отдельно! Женщина умеет хорошо шить одежды, ткать материи и прядь тонкие нитки! Мальчики крепкие, совершенно здоровые, и все зубы у них целы! Очень способны! Их легко можно научить ремеслам, и тогда они станут выгодными работниками! Покупайте же, пока они дешевы!

Дети со страхом поглядывали на продавца.

Некоторые богато одетые прохожие останавливались, осматривали этих трех несчастных, заглядывали им в рот и спорили с корабельщиками об их цене.

Софэр окликнул меня:

- Элисар, что же ты остановился? Надо торопиться. Идем искать купца Макара.

Один грузчик указал нам на каменное закопченное строение с двумя рядами маленьких окон. Возле открытых дверей груды лежали свернутые в кольца смоленые

канаты. Несколько человек стояли у входа, окружив купца небольшого роста, с длинной бородой.

- Скажите, добрые люди, где мне повидать хозяина кораблей Макара?

Никто и не обернулся, а маленький человек продолжал рассказывать:

- Я и говорю Бессаму: "Ты поедешь на этом корабле в Тир*. Не бойся, Бессам, - говорю я, - поезжай себе с богом!" И что же мне ответил этот дерзкий Бессам? Он сказал: "Думаешь, что бог поедет со мной на таком грязном корабле, где возили баранов, да еще не заплатив за проезд?"

---

* Т и р - главный город Финикии.

- О, какие дерзкие слова он сказал о боге! - воскликнули слушатели.

- А разве он неправильно сказал? - вмешался Софэр.

На этот раз все обернулись и посмотрели на Софэра.

- А ты кто такой, чего здесь ищешь и почему думаешь, что Бессам прав? - спросил маленький человек.

- Я ищу корабельного хозяина Макара. Да, видно, вы его не знаете.

Маленький человек выпятил живот, сложил на нем руки и важно спросил:

- А на что тебе Макар?

- Что же я тебе буду рассказывать? Ты лучше покажи, где мне найти его. Он, вероятно, такой умный, что голова у него величиной с жернов.

Маленький человек еще больше раздулся от важности и сказал:

- А может быть, я и есть Макар, хозяин кораблей! Что тебе нужно?

- Если я тебе скажу сейчас, то завтра об этом будет знать весь базар. А если мы поговорим с глазу на глаз, то тебе будет немалая польза.

- Хорошо, - сказал Макар. - Но знай: если ты хочешь просить денег, то я их все равно не дам. Иди за мной.

Маленький человек исчез в дверях дома. Софэр слез с ослицы и сказал мне, чтобы я шел за ним. Я привязал ослицу, и вместе с Софэром мы вошли внутрь дома.

Все стены жилища были уставлены полками, разделенными на ящики. Всюду лежали различные товары: материи разных цветов, кувшины, стеклянные бутылочки и большие куски меди. Мы прошли во вторую комнату. Там стояли небольшой стол с витыми ножками и высокое кресло. Макар забрался в него, подогнув под себя ноги. Софэр сел на скамейку, а я встал позади него.

- Меня зовут Софэр-рафа* - мудрец многоязычный. Я умею говорить на тринадцати языках народов, живущих от горячей Эфиопии** до черноплатных скифов***.

---

* Р а ф а - по-финикийски "лекарь".

** Э ф и о п и я - страна в Африке, к югу от Египта.

*** Скифы жили на северном побережье Черного моря.

- Мне не нужен переводчик, - обрезал, глядя в сторону, Макар.

- Я распознаю болезни, излечиваю старые раны, лихорадку, нарывы, вправляю вывихнутые кости, отгоняю порчу, тощих делаю толстыми, слабых сильными.

- Но у меня есть уже врачи, и они меня лечат. Если ты хочешь напустить на меня болезнь, то я прикажу моим слугам сбросить тебя в воду.

- Не бойся, - ответил старик. - Мудрец Софэр излечивает больных, но никому не делает зла.

- Чего же ты хочешь?

- Я пришел к тебе с тремя вопросами. Первый такой: около селения Авали для тебя строится быстроходный корабль. Правда ли, что он поплывет за Мелькартовы столбы? И мог

бы я на нем поехать?

Макар помолчал и ответил:

- Да, корабль строится для далеких путешествий. Если ты будешь лечить корабельщиков и гребцов, я тебе позволю ехать даром, а то гребцы очень быстро теряют силы и умирают*.

---

* Гребцы на судах вследствие напряженной работы обыкновенно не выживали более двух-трех лет.

- Второй вопрос такой. Слыхал ли ты о Счастливых островах, где нет ни господ, ни рабов, ни богатых, ни бедных, где все живут как братья и пользуются всеми земными благами?

Макар нахмурился и сказал:

- Об этих островах моряки рассказывают разные сказки. Но кто знает, правда это или нет? Мне нет дела до этих островов, я ищу только такие места, где можно дешево достать крепких, здоровых рабов, чтобы потом их продать за хорошую цену. Ищу я также железо. Нам оно нужно, чтобы делать оружие, тогда мы будем иметь и золото. Какой же третий вопрос?

- Три года назад плотник Якир из Авали, отец этого мальчика, который здесь стоит, - старик указал на меня, - уехал на корабле вместе с другими сидонскими рабочими по требованию царя Хирама*. С тех пор об этом плотнике Якире не было никаких известий. Нельзя ли через твоих корабельщиков разузнать о том, кто его вез, где его высадили и жив он или нет?

---

* Хирам, царь Тира, посылал искусных рабочих царю Израильско-иудейского царства Соломону.

После этого вопроса Макар почему-то задвигался в кресле, стал кашлять, и глаза его сделались колючими, полными гнева.

- Почему ты меня спрашиваешь? Разве я могу помнить всех путников, проезжавших на моих кораблях? Некоторые корабли погибли, попав в бурю, другие уплыли далеко и вернутся не скоро. Откуда я могу знать, где плотник Якир? Приехал ли он в Иерусалим или был на исчезнувшем корабле?

Тут я не удержался и стал плакать. Макар посмотрел очень сердито и сказал:

- Если ты, старик, хочешь узнать что-либо более точно, то поезжай в Яфо*. Через эту гавань направляются все путники в страну царя Соломона. В Яфо скоро приедет мой доверенный приказчик, по имени Маллух. Он всегда разъезжает вдоль побережья и, может быть, что-либо слышал. И, кроме того, он ищет лекаря, который вылечил бы его от болезни живота. А теперь довольно вопросов! У меня своих забот много. Ступайте!

---

* Я ф о - нынешний город Яффа в Палестине.

Мы с Софэром вышли на улицу.

Я боялся, что в этом многолюдном Сидоне кто-нибудь уже успел отвязать и увести ослицу, но она стояла на том же месте и мирно жевала конец лежавшего перед ней каната.

Скоро мы разыскали Ам-Лайли и направились домой. Весь путь до нашего селения мы обдумывали и спорили, что нам делать дальше.

- Я поеду в Яфо, - решил Софэр. - Там я разыщу того управляющего Маллуха, о котором говорил купец Макар, и узнаю от него все, что нужно. Оттуда я вернусь обратно в Авали. Если бы ты отпустила со мной маленького Элисара, он помог бы мне в пути, так как я плохо вижу.

Ам-Лайли согласилась с предложением Софэра.

- С тобой, Софэр, я отпущу моего Эли. Ты его учишь, как родного бен-бена*, и делаешь ему добро. Пускай он увидит другой город - может быть, это принесет ему пользу.

---

* Б е н - б е н - по-финикийски "внук".

Накануне отъезда я и мои друзья собрались в шалаше за огородом. Гамалиель трижды бросил горсть песка через мое левое плечо, чтобы отогнать от меня опасности и неудачи. Все подняли большой палец для счастья и обещали навещать мою мать, беречь и не переманивать моих голубей и водить белую ослицу пастись вдоль канавы.

- А ты не отходи от старика Софэра, - говорили они мне, - и больше всего бойся тех иноземных купцов, которые торгуют детьми.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГДЕ МНОГО ЗОЛОТА - МНОГО ПЕЧАЛИ

1. КОРАБЛЬ ПОШЕЛ ПО МОРЮ

Корабль находился в Сидоне и должен был выйти в море на рассвете. Поэтому мы с вечера уже были в городе на набережной Северной гавани, где приютились среди тюков, кувшинов и свернутых канатов. На столбе в большой каменной чаше горело земляное масло*, освещая дрожащим светом дощатые сходни корабля. За ним теснились другие корабли, теряясь во мраке.

---

* З е м л я н о е м а с л о - нефть.

Ам-Лайли сидела около меня, завернувшись в белый шерстяной плащ. Я лежал, положив голову ей на колени. Софэр, обняв рукой свой полосатый мешок, дремал, вздрагивая по временам, и то и дело спрашивал:

- Не показалось ли солнце?

Я смотрел, как взад и вперед проходили темные фигуры носильщиков, тащивших на корабль тюки, и не мог дожидаться, когда же нас впустят на корабль.

Невдалеке горел костер. Вокруг него сидели люди в странных одеждах, непохожие на наших авалинских рыбаков. Один из них рассказывал:

- Морскую корову можно вызвать из глубины моря, если в тихую погоду, когда нет ветра, сидеть на носу корабля, жалобно плакать и звать: "Малюточка, выйди ко мне, моя крошка". Она подплывет и высунет из воды свою тупоносую морду с длинными, как ножи, двумя передними зубами. Тут ты не зевай и скорее ударь ее гарпуном в глаз или в бок под левую лапу, а то она зубами схватит за край борта и перевернет корабль...

- Что ты рассказываешь про корову, - перебил другой голос. - Я вот своими глазами видел сказочный корабль, который свободно и без вреда погружается в морскую пучину, ныряет там, как утка, и снова всплывает на поверхность когда захочет. Это был корабль знаменитейшего из морских пиратов Лала-Зора, прозванного "Князем моря"...

- И ты его видел? И ты остался жив? Да из лап этого охотника за людьми не спасается никто!

- А я его не только видел, но и побывал на его сказочном, чудесном корабле...

- Рассказывай, только не завирайся! - воскликнули сидевшие у костра.

Я насторожил уши и подполз к ним ближе. Рассказчик продолжал:

- Вы не смотрите, что я калека, волочу ногу и плохо владею одной рукой. Не всегда это было так. Раньше я был лихой, сильный моряк и славился как лучший гарпунщик при охоте на китов...

- Не зовут ли тебя Ионой? - прервал один из слушателей и подмигнул другим. - Я слышал о пророке Ионе, которого проглотил кит, пожевал и выплюнул обратно. Не с тех ли пор ты сделался калекой?

- Меня зовут не Ионой, и я в пасти кита не побывал, но я был в жестких лапах зубастого

Лала-Зора, а это пострашнее кита. Я служил тогда на кораблях иудейского царя Соломона, посланных в богатейшую страну Офир за золотом. Всего было сорок кораблей, и на каждом насчитывалось по сто моряков - всё наши смелые сыны Анат.

- И ты, конечно, был лучше всех?

- Вероятно, я не был плохим, если меня сделали гарпунщиком на переднем корабле. Командир эскадры гнался за Лала-Зором, а корабль этого "Князя моря" можно узнать издали: у него красные паруса, выкрашенные драгоценной пурпурной сидонской краской*. Наш грозный командир был уверен, что Лала-Зор от него не ускользнет. Ветер стих, паруса обвисли, и наши суда подходили к разбойнику с двух сторон на веслах. Я был, как уже сказал, на переднем корабле, приготовив гарпун. Вдруг вижу: корабль Лала-Зора больше не движется. Красные паруса полощутся на слабом ветерке, и весла убраны. "Что за притча? - думаю. - Изменили Лала-Зору его молодцы? Не хотят ли выдать его живьем?" И вдруг паруса быстро свернулись, мачта плавно опустилась на корму, и все люки закрылись крышками... А мы всё подплываем ближе: "Гарпун! - закричал с мостика кормчий. - Гарпун ему в бок, это рассеет колдовство!" А мы уже совсем близко, скоро сцепимся бортами. Я метнул гарпун, и он вонзился в корабль Лала-Зора, точно это был мягкий, живой бок дельфина. А конец веревки вдруг обвился вокруг меня, как змея.

---

* Финикия славилась изготовлением пурпурной краски, добываемой из раковин особой породы морских улиток.

- Колдовство! Явное колдовство! - воскликнули голоса.

- Верно, что колдовство, - продолжал рассказчик, - потому что на моих глазах корабль Лала-Зора вдруг погрузился носом в бурные волны и быстро стал уходить под воду и меня утащил с собой...

- Вот врешь-то! - воскликнул кто-то. - Разве могут корабли с живыми людьми по своей воле всплывать или погружаться в морскую пучину? Этого нет и никогда не будет! Здравый рассудок нам говорит, что Ваал, Молох и другие великие боги так премудро устроили этот мир, что человек ходит по земле, рыба плавает под водой, а журавль, орел и другие птицы летают по воздуху...

- А разве Икар, сын искусного мастера Дедала, не летал по воздуху?

- Это все сказки.

- Не спорьте! Продолжай! Расскажи, видел ли ты Лала-Зора? Говорил ли с ним?

- Видел, и случилось это так...

Громкий окрик прервал разговоры:

- Кому на корабль? Идите по порядку, не толкайтесь на мостках!

Мать обняла меня так крепко, точно кто-то хотел меня оторвать от нее.

- Смотри, Эли, непременно разыщи отца и узнай, что с ним. А если он умер, то сходи на его могилу, поклонись ей и поставь одну чашку с кашей, другую с маслом. А затем не оставайся ни одного лишнего часа, торопи доброго Софэра-бобо скорее возвращаться домой. Да не подходи близко к борту корабля, а то упадешь в море...

- Чего ты боишься, Ам-Лайли, я же не маленький! Зато я увижу новую землю и проеду на большом настоящем корабле!

Я обнял ее, схватил свой мешок с лепешками и кувшин с молоком и вслед за Софэром пошел по мосткам на корабль. Мы не знали, куда пройти. Корабль раньше казался большим, пока строился, а теперь он был так завален разными тюками, что на нем было очень тесно. Мимо нас пробегали корабельщики, толкаясь и наступая на ноги.

- Э, да это знакомые: старый дуб с желудем! (Я узнал стройного моряка, который мне объяснял на берегу, как строят корабль.) И вы тоже едете? Куда? В Яфо? Ладно. Полезайте туда, наверх! - Он показал в угол корабля.

Старик с трудом пробрался наверх; мы растянулись на мешках, недалеко от площадки рулевых, и оттуда смотрели, что делается на корабле.

Перед нами сидели на одиннадцати скамьях полуголые гребцы с длинными волосами, обросшие косматыми бородами. Некоторые из них были прикованы за ногу. Одни дремали, прислонившись к борту, другие переговаривались грубыми голосами. Между ними посередине возвышалась толстая мачта, и на ней была прикреплена канатами поперечная балка с подобранным парусом. На корабле собралось много путников. Они сидели среди своих вещей, шумели, спорили и бранились.

- Готовься! - прогремел звучный голос. На площадке кормчего стоял знакомый моряк и, приставив медную трубу ко рту, выкрикивал приказания: Снимай мостки!

Доски, которые вели на корабль, поползли на берег, подхваченные рабочими. Мне стало страшно и грустно, захотелось прыгнуть назад, на берег, где виднелся в тумане рассвета белый плащ Ам-Лайли.

- Отдавай причалы!

Два толстых каната, обмотанные вокруг столбов набережной, ослабли, плеснули по воде, их втащили на корабль. Моряки длинными шестами оттолкнулись от берега, и мы бесшумно двинулись вперед.

- Весла! - прозвучал голос кормчего.

- Весла! - повторил голос надсмотрщика.

Гребцы зашевелились, взмахнули веслами и опустили их на воду. Щелкнул бич, и раздался крик - это хлестнули одного гребца, который не успел вовремя опустить на воду весло.

- Вперед! Раз! Раз! Раз! - кричал надсмотрщик, стоя на мостике посередине между скамьями и выстукивая равномерно молотком по деревянной доске.

Гребцы, вцепившись в толстые рукоятки весел, приподнимались, откидывались назад, точно падая на спину, затем грудью нажимали книзу бабки весел. Корабль ровно заскользил по темной тихой гавани Сидона.

Мы подплыли к узкому выходу в море, где на двух каменных столбах пылали дымные огни. Голос из темноты прогудел:

- Кто плывет?

- "Кокаб-Цафон"*, владелец - Макар из Сидона, - отвечала труба кормчего.

---

* К о к а б - Ц а ф о н - по-финикийски "Северная звезда".

- Проходите с миром! - ответил тот же голос.

Стражники, закутанные в темные плащи, с копьями в руках, равнодушно смотрели, как мы проплывали мимо каменных столбов.

Я оглянулся. Пристани уже не было видно. Впереди гудело бурное море.

Как только мы миновали каменные стены мола, нас окружил туман. Волны подхватили корабль и обдавали нас брызгами.

Небо за Ливанским хребтом быстро разгоралось, и, когда выглянуло солнце, клочья розового тумана поплыли над темно-лиловым морем и вскоре растаяли.

Я достал из мешка две лепешки и дал одну Софэру, но он отмахнулся, закрыл голову концом плаща и бормотал, указывая на море:

- Жизнь наша пройдет, как след облака, и рассеется, как туман, разогнанный лучами солнца. О свирепые волны, вы начали укачивать и мучить меня! Куда спокойнее ехать на ослице!

Я стал есть лепешку и заметил, что кто-то пристально смотрит на меня. Это был первый из гребцов, стройный, мускулистый, с длинными, до плеч, волосами, еще безбородый.

Вероятно, ему было всего лет восемнадцать. Улыбаясь, он глядел то на меня, то на

лепешку. Гребец упорно, под стук молотка надсмотрщика, греб большим веслом, побрякивая цепью на одной ноге. Я спустился к нему и положил возле него на скамье пару лепешек. Продолжая грести одной рукой, он хотел другой взять хлеб. Но надсмотрщик концом бича хлестнул его по голой спине. Гребец только поморщился, весело подмигнул мне и продолжал грести. В это время раздался голос кормчего:

- Убрать весла!

Надсмотрщик громко повторил:

- Убрать весла!

И все двадцать два гребца разом подняли весла кверху и сложили их вдоль борта. Они были уже мокры и вытирали пот, обильно стекавший по груди.

- Эвхаристе, эвхаристе!* - говорил гребец, уплетая мои лепешки.

---

* Э в х а р и с т е - по-гречески означает "благодарю".

Другие гребцы горящими и жадными глазами смотрели на меня. Я принялся было развязывать мешок, но Софэр строго сказал мне:

- В дороге больше всего береги хлеб, сандалии и посох.

Я проскользнул вперед, на нос корабля, и оттуда стал наблюдать, как один корабельщик ловко взобрался по мачте наверх, прошел вдоль поперечного бруса и быстро распустил веревки, которые поддерживали свернутый наверху парус.

Клетчатое полотно паруса упало, надулось, и ветер погнал корабль. Качка уменьшилась, не стучали и не скрипели весла, только слышно было, как ветер гудит в снастях и всплески воды разбиваются о крутые бока корабля.

2. МЕШОК БЕЗ ХОЗЯИНА

Я растянулся на передней палубе* на носу корабля и смотрел в прозрачную зеленоватую глубину моря, где иногда мелькали голубые тени больших рыб.

---

* Финикийские корабли в древнейшие времена имели палубы около носа корабля и около кормы. Середина корабля была открытая.

Недалеке лежало несколько путников; опустив головы на свои шерстяные мешки, затканые разноцветными узорами, они спали, утомленные целой ночью ожидания. Около них громоздились кожаные тюки и затянутые материей корзины, в которых обычно перевозят финики, смоквы и другие плоды.

Поблизости лежал путник, покрытый абаем*, из-под которого виднелись две загорелые ноги; на одной, пониже колена, выделялся белый косой шрам. Я свернулся, прищурив глаза от яркого солнца; мне видно было горбоносое лицо незнакомца.

---

* А б а й - широкий финикийский шерстяной плащ с белыми и черными полосами.

Вдруг один его глаз приоткрылся, посмотрел в мою сторону и закрылся опять. Незнакомец не спал, а только притворялся спящим. Я повернулся на другой бок и стал глядеть на берег нашей Сидонской страны.

В туманной дали, точно гребень громадного дракона, тянулся Ливанский хребет, и высоко в небо уходили его голые розоватые каменные вершины. Поросшие лесом отроги гор подползали к самому морю. Кое-где над садами подымались одинокие пальмы, и ветер раскачивал их перистые верхушки.

Я перевел взгляд опять на палубу корабля. Меня поразило, что один большой кожаный мешок как-то зашевелился. Посредине образовалась дыра, которая все увеличивалась, и наконец сквозь нее просунулась тонкая рука. Эта рука мне показалась знакомой - на ней были рыжие веснушки. Рука протянулась к соседней корзине, осторожно отодрала и

приподняла край пришитого покрывала и стала оттуда перетаскивать к себе в мешок спелые смоквы. Потом эта рука остановилась и стала делать мне какие-то знаки.

Как же мне было не узнать этой руки? В ней обычно находилась редька, а то и две. Но как Гамалиель попал на корабль, да еще в кожаный мешок? Потом вдруг рука исчезла, и мешок сделался опять неподвижным. Я услышал, как за моей спиной путник зашевелился и заговорил с соседом.

Я встал, прошел по кораблю мимо отдыхавших гребцов и поднялся на площадку, где должен был стоять кормчий. Он полулежал на коврике, а на его месте стоял один из корабельщиков и отдавал приказания рулевым. Опустившись на колени на краю коврика, я ждал, чтобы кормчий заговорил со мной. Его спокойные глаза смотрели вдаль. В ухе блестела маленькая медная сережка. На шее висела бронзовая цепочка с зеленым камнем, который приносит здоровье.

Я кашлянул, чтобы привлечь его внимание.

- Акулу видел? - спросил он, не поворачивая головы. - Смотри туда: видишь, по воде скользит ее косое перо?

Я посмотрел, куда указывал моряк, и на блестящей от солнца поверхности воды увидел косою темный плавник морского чудовища.

- Она идет за нами по пятам от самого Сидона, - сказал кормчий, - и все надеется, что кто-нибудь умрет и его выбросят за борт...

- А я пришел сказать, - прервал я моряка, - что здесь на корабле в мешке спрятан один наш мальчик из Авали.

Кормчий приподнялся и строго посмотрел на меня.

- Смотри говори правду!

- Взгляни сам! Может быть, его украли, чтобы продать в рабство.

- Пойдем, покажи мне!

Кормчий спустился по лестенке, и мы пробрались на нос корабля. Кожаный мешок теперь отодвинулся в сторону и лежал около самого борта.

Кормчий нагнулся над мешком, толкнул ногой и стал ощупывать толстую воловью кожу.

- Чей это мешок? - обратился он к лежавшим в разных положениях путникам. - Чей мешок, я спрашиваю?

Лежавшие поворачивались, подымались, некоторые подошли к мешку, но никто не признавал его своим.

- Разбудите-ка еще тех молодцов! - указал кормчий на людей, среди которых лежал путник со шрамом на ноге.

Их растолкали. Человек со шрамом на ноге, притворно зевая и усердно протирая глаза, отвечал:

- Не знаем, не знаем мы этого мешка. Зачем напрасно будите?

Тогда кормчий разрезал ремешки, которыми были затянуты края мешка. Оттуда показалась взъерошенная голова Гамалиеля, а потом вылез и он сам. Он держал в руке несколько смокв.

- Ты как сюда попал? - спросил кормчий.

Гамалиель замычал в ответ и показал лицом и руками, что он немой и не может говорить.

- Это наш авалинский мальчик, сын рыбака, - сказал я и закричал: Гамалиель, косою заяц, да говори же ты!

Он бросился ко мне и стал шептать мне на ухо:

- Не могу я говорить. Те люди, которые меня схватили и засунули в этот мешок, мне приказали молчать, о чем бы меня ни спрашивали. Иначе они меня выпотрошат, как

куренка.

Гамалиель зажал рот ладонью и, со страхом оглянувшись кругом, снова стал мычать, трясти головой и больше не отвечал на вопросы.

- Ну-ка, пойдём со мной к управителю корабля, - сказал кормчий, взяв Гамалиеля за руку.

Под площадкой на корме была устроена маленькая каюта с окошком, затянутым пестрой занавеской. Оттуда выглянул старый человек. Кормчий рассказал, в чём дело. Управляющий кораблем пропищал в окошко:

- Я сюда поставлен нашим хозяином Макаром, чтобы ничего на корабле не пропало и чтобы богатства Макара росли и множились. Если мешок не имеет владельца и найден на корабле моего хозяина, значит, он будет принадлежать ему. Хитрый мальчишка не хочет говорить, потому что он лгун и обманщик и хотел проехать даром. В наказание за обман мальчик тоже станет рабом Макара.

Тут Гамалиель вытаращил глаза и завопил:

- Я сын свободного сидонского рыбака! Мы никогда рабами не были, и я тоже не хочу быть рабом!

- Я так сказал, и так будет! Кормчий Бен-Кадех, держи его около себя, а если он захочет убежать, надень ему на шею деревянную колодку.

Управитель задернул занавеску, и оттуда послышался его тонкий, визгливый кашель.

Кормчий взял за руку Гамалиеля и пошел с ним наверх, на площадку. Гамалиель не упирался, перестал плакать, почесал затылок и еще больше растрепал свои вихры.

- Как только за мной станут меньше смотреть, я убегу, - шепнул он мне.

Мы с Гамалиелем сели. Кормчий стоял, расставив ноги. Лицо его было угрюмо, и он не глядел на нас. Про себя я бранил его за то, что он не хочет помочь Гамалиелю. Вдруг мой товарищ воскликнул:

- Смотри, Эли, на эти лодки! Здесь ведь ловят рыбу наши авалинские рыбаки.

Стая черных лодок широко рассыпалась по морю. Рыбаки тянули и выбирали в лодки длинный невод. Рыба, застрявшая в петлях сетей, сверкала серебряными искрами.

- Эли, берегись человека со шрамом! - крикнул Гамалиель, вскочил на борт корабля и спрыгнул в воду.

Быстро поплыл он к лодкам. Он плавал хорошо, как сын рыбака. Но до лодок было не близко.

На ближайшей я узнал старого рыбака Месуллама, его трех сыновей Харима, Элама и Асура. Только бы Гамалиель доплыл до них - они уж никому не отдадут его!

Кормчий сделался грозным и страшным. Схватив трубу, он закричал:

- Скорее весла! Спустить парус!

Надсмотрщик гребцов повторил его крик. Защелкал бич, будя заснувших гребцов, и двадцать два тяжелых весла ударили по воде. Завизжал деревянный блок, и перекладина с парусом плавно скользнула вниз.

- Правой назад, левой вперед! - кричал кормчий.

Гребцы напряглись. Правые, вскочив, изо всех сил гребли веслами назад, левые нажимали вперед, и корабль, сдерживая бег, повернулся и направил нос в сторону Гамалиеля.

Кормчий, пригнувшись, стоял, как хищный зверь, готовый прыгнуть. В руке он держал тяжелый гарпун с острым крюком на конце. Неужели он так предан хозяину, что хочет пронзить гарпуном худенькую спину Гамалиеля? Мой товарищ, извиваясь, как угорь, плыл вперед, иногда оглядываясь и старался скорее отдалиться от корабля.

- Весла вперед! - кричал кормчий.

Корабль дрогнул под ударами весел и усилил ход. Мы уже были недалеко от

Гамалиеля. Я видел ясно его мокрые, слипшиеся волосы и как он сплевывал воду, попадавшую ему в рот.

Тут я заметил невдалеке от Гамалиеля блестящий черный плавник акулы. Он несся по воде, как нож, чертя за собой пенящуюся полосу. Сейчас чудовище приблизится, повернется брюхом кверху и острыми зубами схватит добычу. В прозрачной зеленоватой воде затемнело коричневое туловище акулы, засветилось ее белое брюхо с темными пятнами. В это время, со свистом рассекая воздух, пронесся тяжелый гарпун, брошенный уверенной рукой кормчего, и впился в толстый живот акулы. Она сделала громадный прыжок. Ее хвост взметнулся, и она скользнула мордой вниз, желая скрыться в темной глубине моря. Но крепкая крученая веревка, привязанная к гарпуну, натянулась, как струна, и удержала чудовище. Темно-красной кровью замутилась вода.

- Правой назад, левой вперед! - загремел голос кормчего.

Опять запенилась вода под веслами гребцов, опять повернулся корабль.

- Подымай парус! Убирай весла!

Перекаладина с парусом опять поднялась к вершине мачты, полотно наполнилось ветром.

- Жирная свинья! - со смехом сказал кормчий, грозя кулаком акуле. Теперь целую неделю ты будешь кормить своим салом наших гребцов.

Мне видно было, как седая борода рыбака Месуллама склонилась над водой: с одним из сыновей он втаскивал в лодку тощего Гамалиеля. Рыбаки что-то кричали, а наш корабль, подгоняемый ветром, уже несся прочь от авалинских лодок.

Шесть корабельщиков подтягивали еще живую акулу, а двое стояли с поднятыми тяжелыми железными топорами, чтобы добить ее.

3. ВДОЛЬ ФИНИКИЙСКОГО БЕРЕГА

Наш корабль был хорошо построен: он быстро шел, обгоняя другие крутобокие корабли, легко слушался рулевых весел, плавно поворачиваясь туда, куда нужно было кормчему.

Мы плыли на юг вдоль берега. Остановливались около большого селения Сарепта. Затем миновали богатый город Тир.

- Стены его выше и крепче сидонских, - сказал Бен-Кадех. - В его гавани тоже есть узкий вход, который на ночь загораживается крепкими цепями.

Миновали большие селения: Ахзип, Акка и Дор. Впереди был город Яфо, где мы постараемся узнать у какого-то Маллуха о судьбе отца.

Корабль сделал три остановки: южнее Белого мыса, близ городка Дора и около устья речки Фалик. В небольших гаванях было тихо, и корабль не качало. Путники перебирались на берег, разводили костры и варили еду. Некоторым гребцам тоже разрешали сходить на берег. Они варили в большом котле куски акулы с луком и чесноком и потом относили еду гребцам, которые оставались на корабле. Прикованные к скамьям стучали веслами и требовали, чтобы их также отпустили на берег. Надсмотрщик издали бранил их и щелкал плетью.

Все корабельщики на ночь вооружались копьями и прицепляли к поясам широкие мечи. Опасались они нападения или бегства гребцов - не знаю, но неподвижные фигуры часовых стояли на страже: один на площадке кормчего, а другой - на носу корабля.

Каждую ночь Софэр привязывал к своей руке конец моего шерстяного пояса. Но раза два, пока Софэр спал, я отвязывал пояс и бегал на берег послушать рассказы путников о приключениях в далеких странах.

Корабль подходил к Яфо.

Последние клочья утреннего тумана убежали вдаль и таяли в лучах солнца. Большие валы катились по морю и расшибались в белую пену, ударяясь о темную гряду скалистых

рифов.

Как же проскочить через эти рифы, где вода бурлит и пенится, готовая все разбить в щепки?

А за рифами виднелся Яфо - маленький городок, окруженный зубчатой стеной. Его домики, белые и желтые, как будто взгромозились один на другой на склоне желтого каменного холма.

Позади рифов, у самого берега, покачивалось несколько кораблей. Множество бревен лежало на песчаных отмелях, и люди по пояс в воде перетаскивали их на берег. Эти бревна привезены были из Сидона для дворцов царя Соломона.

Узкие лодки с высоко поднятым носом и кормой окружили наш корабль и заплясали над прозрачной бездной моря. Загорелые полуголые лодочники кричали путникам, предлагая свезти их на берег.

Управляющий кораблем, пошатываясь и скривив заспанное лицо, вышел на палубу, одетый в нарядную малиновую одежду с золотой бахромой и украшенный дорогими перстнями и золотыми браслетами на пухлых руках. Он с озабоченным видом приказывал кормчему:

- Подъезжай к самому берегу! Веди корабль осторожнее через рифы...

Бен-Кадех грубо оборвал его:

- Ты мешаешь мне! Я сам знаю свое дело. Ведай грузами, а не командуй. Если ты будешь вмешиваться, корабль сядет на камни, как перевернутая черепаха.

Бен-Кадех стоял на площадке, уверенный и спокойный, и все гребцы глядели на него, ожидая движения его руки. Парус был спущен, весла вспенили воду, и корабль понесся на рифы. Когда мы к ним приблизились, могучий вал подхватил корабль и перебросил его через черные камни прямо в тихую бухту. Здесь корабль пристал к отмели, корабельщики прикрепили его канатами к скале и спустили лесенку. Первым сошел управляющий. Когда он ступил на твердую землю, ему подали чашу с вином. Он плеснул вина на землю и выпил остальное. Затем поднял руки кверху, благодаря бога Ваала за то, что он спас его от всех страшных опасностей моря. Он позабыл только поблагодарить кормчего Бен-Кадеха, который построил такой хороший корабль и умел вести его по бурным волнам. Софэр подошел к управляющему:

- Я весь путь от Сидона ехал с тобой на корабле и не знал твоего имени...

Управляющий вытянул губу и растопырил все пальцы, сверкавшие драгоценными камнями.

- Разве ты никогда не слышал о Маллухе, главном управителе сидонского купца Макара, у которого тысяча золотых слитков?

Софэр воскликнул:

- Но ведь я нарочно приехал сюда в Яфо, чтобы повидать тебя, о Маллух Великолепный! Меня к тебе послал твой хозяин Макар, и он сказал, что я как лекарь могу помочь тебе. Мне нужно разыскать одного сидонца - плотника, по имени Якир, отца этого мальчика, и только ты можешь помочь мне в этом.

- Могу ли я помнить всех муравьев, которые проползли передо мной по дороге? Могу ли я помнить имена всех рабочих, которые проехали через Яфо? Все они отправились по приказу царя Хирама - да будет он всегда жив, здоров и невредим! Впрочем, я сейчас еду в Иерусалим. Отправляйся туда же, и там уж ты все узнаешь. Разущи мой дом - всякий укажет дом сидонца Маллуха. И не забудь взять с собой все лекарства против болезни живота может быть, ты вылечишь меня.

Маллух подошел к серому мулу, нарядно убранному лентами и колокольчиками. Слуги подняли и посадили его на мягкие подушки, укрепленные ремнями на спине животного. Окруженный множеством людей, прибывших встречать его, Маллух поехал к городским

воротам Яфо. Впереди него шли два скорохода, разгоняя палками встречных. Они кричали:

- Дайте дорогу блистающей светлости Маллуха Великолепного!

Софэр торговался с поселянами, обернутыми в дырявые полосатые абаи. Они тащили осликов и предлагали отвезти нас обоих до самого Иерусалима. Дешевле всех просил один поселянин, имевший двух больших, но очень тощих ослов, которые, по его словам, были сильны, как верблюды, и быстры, как олени. Софэр сел на одного осла, на другого навьючили наши мешки. Я пошел рядом, а погонщик ударял хворостиной ослов и покрикивал:

- Ну, ну, красавчики, скорей вперед! Скорей пройдете - скорей вернетесь!

Погонщика звали Хасабия. Он повел нас на площадь около городских ворот, где собирались путники, идущие в Иерусалим.

- Одним нельзя ехать, - сказал он. - Нападут разбойники, отберут моих ослов, снимут последнюю одежду, потопчут ногами и бросят в поле. Надо подождать, когда будет много людей и придут воины.

На площади собрались путники, пешие и на конях. Все ждали прихода воинов. Они вскоре пришли и пригнали целую толпу поселян, истощенных и оборванных. Поселяне бранились и кричали воинам:

- Зачем вы нас увели с полей? Нам надо собирать жатву. Кто за нас будет работать?

- Идите, идите! - отвечали воины и толкали их копьями. - Не мы виноваты, что гоним вас. Царь Соломон строит храм и дворцы. Ему нужны работники - каменотесы и землекопы. Его право делать с вами все, что он захочет.

Но поселяне отвечали:

- Какое это право? Царь сгоняет наших сыновей и заставляет бежать перед его колесницей, бесплатно пахать его пашню и собирать ему жатву. И дочерей наших также принуждает растирать ему благовонные мази, готовить еду для слуг его. Он отнимает лучших быков, ослов и овец, так что все мы стали нищими, а утешителя у нас нет...

Воины направили острия копий на поселян, труба зазвучала, и весь караван в клубах пыли, с шумом и криком тронулся в путь. Погонщик Хасабия шепотом объяснял:

- В Иерусалиме правит страной мудрый царь Соломон. У него тысяча жен, и он строит каждой жене по дворцу. Надо их разместить со всеми их служанками, каждую в отдельном доме, чтобы они не ссорились, а мы, поселяне, всех их кормим, и нам остается только голод.

В городских воротах стояли стражники, и каждый проходивший мимо должен был им отдать что-нибудь: кусок хлеба или луковицу.

Потянулись зеленые сады, где сквозь запыленную листву желтели "золотые яблоки"*. Затем раскинулись привольные луга, где паслись стада царя Соломона**. Далее тоскливо желтела раскаленная каменистая равнина. Иногда попадались посева поселян и низкие, сложенные из камней их закоптелые хижинки.

---

* "Золотыми яблоками" в древности назывались апельсины.

** Эти Саринские луга, знаменитые в древности плодородием и цветами, теперь обратились в раскаленную пустыню.

Вдоль пути иногда встречались башни, окруженные земляным валом. На верхних площадках стояли воины и, приложив руку к глазам, смотрели, пока мы проходили мимо.

- Здесь бродят шайки разбойников - это все поселяне, убежавшие от царского гнета, - объяснял погонщик. - Поэтому для охраны караванов царь Соломон вместе с царем тирским Хирамом поставил по дорогам отряды воинов. Но сами воины обирают путников не меньше, чем разбойники. И опять утешителя у нас нет...

К вечеру караван остановился на берегу небольшого ручья, около крепости "Горло ущелья"*. Воины заняли посты вокруг лагеря, и всю ночь я слышал оклики часовых и вой

шакалов. Мне не спалось. Я смотрел на небо, усеянное звездами, и мечтал, что на другой день встречу отца.

---

* Теперь это место имеет то же название: "Баб-аль-Вад".

После "Горла ущелья" дорога поднялась в гору, она змеилась среди глубоких оврагов. По склонам гор попадались рощи маслин. Когда мы достигли перевала на горе Самуила, все закричали:

- Вот город мудрого царя Соломона!

4. ГОРОД ЗОЛОТА И СЛЕЗ

Я увидел долину, посреди которой возвышалось несколько холмов. На первом, ближайшем, расположилась деревушка с такими же бедными, как у нас, хижинами. Крыши были одни плоские, другие круглые, как пол-яблока. Кое-где между хижинами подымались одинокие деревья.

За деревушкой тянулся глубокий овраг, и за ним, на втором холме, виднелся красивый белый городок, окруженный высокой зубчатой стеной. На стенах возвышались четырехугольные башни. В середине города, на площади, виднелось несколько больших красивых зданий; на одном крыша блестела, как золотая.

Путники говорили, что это дворцы и храмы царя Соломона. Софэр указал на город:

- Ты видишь, что здесь для человека дано все, чтобы он мог жить не нуждаясь. Но одни хотят иметь больше, чем другие, и отнимают у поселянина его последний хлеб и единственную овцу, а затем строят эти стены и башни, чтобы хранить награбленное. О город слез и крови!

Наш караван спустился в долину. Когда мы дошли до Яфских городских ворот*, караван остановился. Вооруженные стражники обошли всех путников и получили с каждого подачку за право входа в город.

---

* От этих ворот дорога шла на запад, к Яфо и морскому побережью.

- Разве не мудр царь Соломон? - сказал наш проводник. - Он стрижет шерсть и со своих и с чужих баранов.

Около ворот под навесами сидело множество продавцов. Перед ними на лотках лежали вареная требуха и лепешки, так что можно было поесть вдоволь, лишь бы было чем заплатить.

Софэр заплатил стражникам за нас троих, и мы двинулись через большие каменные ворота в город.

Погонщик повел нас по узким шумным улицам в караван-сарай - широкий двор, окруженный с четырех сторон каменными пристройками с рядом одинаковых ниш. В каждой нише можно было разводить огонь. Дым уходил через отверстие в сводчатом потолке.

Весь двор заполнили верблюды и другие выючные животные, пришедшие с караванами. Почти во всех нишах у костров сидели путники и варили пищу.

Мы нашли свободную нишу, сложили там наши мешки; Хасабия привязал к столбу ослон и насыпал им рубленой соломы. Он обещал никуда не отходить и стеречь вещи, а Софэр, взяв несколько бутылочек с лекарствами, пошел со мной в город.

Улицы были такие же, как в Сидоне, - узкие, полные людей, прибывших из неведомых мне стран. Иногда попадалась разукрашенная колесница; в ней сидел важный человек, и слуга держал над ним пестрый зонтик.

Наш путь перегородила каменная стена с воротами, возле которых сидели воины и играли в кости. Расспросив, к кому мы идем, воины пропустили нас дальше. Мы попали на узкую площадку, окруженную красивыми, искусно построенными из камней домами. Один

дом, выше и больше других, был сделан из гладко обтесанных светлых камней; в стенах были вырезаны три ряда окон с пестрыми занавесками и деревянными решетками. Крыша на нем была медная, блестящая, как золото.

Это были знаменитые храм и дворцы царя. Здесь все были заняты постройкой. Рабочие тащили на деревянных катках глыбы камня, разбивали, ломали скалистую почву, клали обтесанные плиты и замазывали их известью.

Софэр качал головой и шептал:

- Сколько таких же людей, как твой отец Якир, сложили свои кости на постройке дворцов царя Соломона!

Я отвел Софэра в сторону. Навстречу мерными шагами шли несколько воинов с копьями, в блестящих медных шлемах. Четыре рослых эфиопа несли разукрашенные золотом носилки. В них возлежал человек с черной седеющей бородой и длинными вьющимися волосами. На его голове был золотой обруч. Рядом с носилками шел мальчик моих лет, одетый, как воин; все вооружение медный шлем, блестящий панцирь на груди и меч - было настоящее, но маленького размера.

Человек в носилках пристально оглядел Софэра, сделал знак рукой, украшенной браслетами, и носильщики остановились.

- Кто ты, старик, и откуда прибыл?

Пурпурная одежда с золотыми полосками и почтительное молчание спутников показывали, что в носилках был очень знатный человек.

Я, подражая Софэру, тоже скрестил руки на груди и поклонился до земли. Софэр ответил:

- Мои глаза плохо видят. Я не могу узнать, кто говорит со мною. Поэтому прости, если я не могу воздать тебе того почета, которого ты, наверное, заслуживаешь. Я Софэр-рафа, странник и лекарь, излечивающий болезни и страдания людей. Я учился у вавилонских мудрецов, бактрийских мобедев* и индийских магов. Я перехожу из страны в страну и ищу места, где счастливо живут люди.

---

* М о б е д ы - ученые жрецы и лекари у бактрийцев и согдийцев

- народов, живших в нынешней Средней Азии и поклонявшихся огню.

- И что же? Видел ли ты страны и народы, которые живут, не зная горя и страдания? - Глаза человека в носилках прищурились и глядели с насмешкой.

Чернокожие слуги утирали руками пот со лба.

Софэр сказал:

- Я видел всякие страдания и слезы угнетенных, а утешителя у них не было, ибо в руке угнетателей их сила, и бичами они объявляют волю свою.

Мальчик в панцире взмахнул своим маленьким мечом и закричал:

- Их мало бьют, а эти грязные поселяне все еще смеют кричать и жаловаться! Если мой отец Соломон наказывал их бичами, то я буду стегать их скорпионами!

Окружающие всплеснули руками и заговорили:

- Сколько силы и смелости в юном царевиче!

- Из него вырастет грозный царь! Слава ему!

Человек в носилках сказал:

- Сын мой Ровоам, вложи меч твой в ножны. Ты его вынешь потом, когда тебе придется охранять сокровища царства твоего.

Затем он снова обратился к Софэру:

- Неужели ты не нашел счастливых людей здесь, в стране царя Соломона? Смотри, какими прекрасными зданиями украшена столица, какие высокие стены ее охраняют! Разве не прекратились войны с соседними народами и длинные караваны не проходят через эту

страну? Разве ты не видишь, как богатства ее умножаются?

Лицо Софэра загорелось гневом:

- У одних житницы наполняются до избытка пшеницей и ячменем и точила* налиты до краев новым вином, а другие не знают, чем накормить плачущих детей своих, когда сборщики податей у них отнимают последнюю горсть муки.

---

* Т о ч и л о - большая деревянная или глиняная кадка, в которой из винограда приготавливают вино.

Человек в носилках повернулся к старику в полосатом абае и сказал вполголоса:

- Иосафат бен-Ахилуд*, ты сегодня впишешь эту беседу с иноземным путником в книгу описания царствования моего. А тебе, Софэр-рафа, я скажу: все стенания и все слезы угнетенных - это суета сует, все суета. За все им сторицей заплатится на другом свете. Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя пересчитать. Кому суждено быть бедным, тому не придется быть богатым. Раб должен терпеливо работать на господина своего, иначе кто же вспашет поле богатого хозяина? Все суета сует и всяческая суета!

---

* И о с а ф а т б е н - А х и л у д - летописец царя Соломона, прославлявший все его действия.

Человек в носилках подал знак рукой, и эфиопы ровным шагом двинулись вперед.

- Ты, конечно, понял, что это был сам царь Соломон, - сказал Софэр. Заметил ли ты золотой венец на его голове? Но где его мудрость? Он строит здания для себя и жен своих, караваны проходят из конца в конец через страну Израиля, из Египта в Вавилон и обратно. А заметил ли ты, как горят от голода глаза у поселян, как глубоко запали их щеки, как оборвана одежда? Разве ты не видел детей, покрытых струпьями, которые от рождения никогда не были сыты? Подвалы дома царского все больше наполняются золотом, слитками меди и серебра, но все более слабеют люди, работающие на его полях. Услышав о царских богатствах, придут воины других народов, и тогда некому будет защитить родную страну. Чужестранцы разрушат дворцы царя, прославленного мудрым, и заберут его золото и богатства его, а всех жителей продадут в рабство. Где же мудрость? В такой мудрости таится много печали, и чем больше хвалят мудрость царя, тем больше льется слез у работающих на него...

И Софэр грустно покачал седую головой.

Мы вышли с царского двора, прошли на шумную базарную площадь, побывали у "Рыбных ворот", где продавалась сидонская соленая рыба, и в "Плотничьей долине", и в "Суконном поле", обошли всех сидонских и тирских купцов, расспрашивали десятников и строителей зданий, не слышал ли кто про плотника Якира. "Не привелось нам ни видеть его, ни слышать о нем", отвечали все.

Но один купец, торговавший янтарем и другими сокровищами моря, услышав наш разговор, воскликнул:

- Пойдите! Мне говорили про "заклятье Якира"! Не он ли это? Сюда прибыл карийский князь Илла-Цар. Он был покрыт ранами и очень страдал от них. Какой-то торговец лекарствами продал ему талисман от болезней, который был с заклятием Якира-сидонца, увезенного в далекие страны. Разыщите князя карийского и попросите его показать вам талисман Якира. Я слышал, что этот знатный князь остановился в доме Маллуха Великолепного.

5. "ПРОЧТИ И ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ"

Когда мы разыскали дом Маллуха, нас сейчас же провели во внутреннюю комнату. Слуга эфиоп сказал, чтобы мы не делали шума, и удалился. Из-за занавески вышел Маллух и, приложив палец к губам, поманил нас к себе. Мы прошли в следующую комнату. Там на

постели лежал человек с суровым лицом, изборожденным морщинами. Седые волосы разметались по малиновой подушке. Он был без памяти, и лихорадка трясла его. Иногда он громко кричал, как будто управлял кораблем:

- Крепите парус! Не бойтесь бури, она родная сестра наша! Готовьте топоры!

Когда больной немного успокоился, Софэр сел около него, ощупал руку и расстегнул богатую пурпурную одежду. Грудь больного была испещрена странными рисунками и багровыми шрамами от ударов мечей.

Вдруг больной захрипел, стал задыхаться, глаза выкатились на лоб. Он сорвал с золотого ожерелья мешочек и бросил в сторону.

- Он душит меня, тянет ко дну! Дайте мой топор! Я тону, бросайте мне канат...

Софэр схватил чашу и надрезал ножом плечо больного. Когда чаша наполнилась кровью, Софэр туго перевязал руку тонкой тканью и влил больному в рот лекарство из своего стеклянного пузырька. Больной сильно вздохнул, открыл глаза и уставился на Софэра.

- Смерть уже веет черными крылами надо мною. Буду ли я еще жить?

- Успокойся, - ответил Софэр. - Ты сделан крепко и прочно - для долгой жизни, для борьбы с сильными бурями. Будь осторожен в гневе, умерен в пиршестве и благоразумен в поступках.

- Ты вернул мне жизнь, старик, а я уже видел себя на дне моря и как будто громадный осьминог хотел пожрать меня. Если тебе нужна будет моя помощь, князь Илла-Цар всегда отблагодарит тебя... - Он закрыл глаза и стал засыпать, иногда тревожно вскрикивая.

Я наклонился и поднял разорванный мешочек и выпавшую из него тонкую скрученную медную пластинку. Она вся была исписана мелкими буквами. Я настолько уже умел читать, что разобрал строку:

"Прочти и передай другому".

Маллух, увидав мешочек у меня в руках, сказал:

- Это талисман против ста одной болезни. Но он принес несчастье моему гостю. С тех пор как мой почтенный друг надел его, он еще больше хворает. Ты, мальчик, не играй талисманом, а не то тоже протянешь ноги. Дай его понюхать собаке и затем, помолясь Мелькарту*, закопай в землю.

---

* М е л ь к а р т - бог солнца у древних финикийцев, считавшийся покровителем карфагенян. (Мелькарт - дословно Царь города, бог-покровитель каждого финикийского города, мыслился солнечным божеством: дополнение А. И. Немировского).

Маллух не хотел отпускать Софэра, требуя, чтобы тот лечил его. Старик настаивал:

- Я стар и слаб. Дай мне до утра отдохнуть и собраться с силами.

Мы вернулись в караван-сарай. Усевшись около костра, я передал талисман Софэру. Старик вынул свое увеличивающее стекло и стал читать. Вдруг он заволновался, заохал, закашлял и шепотом сказал:

- Сделай ухо внимательным к словам моим, не кричи и не смейся. Слушай, что я прочту тебе.

Водя пальцем по пластинке, он стал разбирать нацарапанные буквы:

- "Прочти и передай другому. Да услышит тот, кому нужно.

Всякий, у кого есть близкий, попавший в беду, поймет меня и мое горе.

Сыны Анат, услышав мою мольбу, постарайтесь помочь мне. Я сидонец, плотник Якир из селения Авали, славного моряками. Я был послан царем Хирамом тирским вместе с сидонскими рабочими к царю Соломону в Иерусалим. Но по пути наш корабль повернул в открытое море и приблизился к неизвестному острову с высокой скалой, на которой растет одинокий кедр с обломанной верхушкой. Здесь нас захватила шайка морского разбойника

Лала-Зора. Всех отправили в разные стороны, чтобы продать в рабство. Меня пересадили на корабль, который плыл за столбы Мелькарта. Прибыв в страну Канар*, против Счастливых островов, корабельщики обменяли меня на золотой песок, которого много в этой стране. Я теперь в цепях, исполняю тяжелые работы. Царь страны Канар заставляет меня изготавливать ножи, мечи и топоры и работать на постройке дворца. Народ Канара дикий, живет, как зверь в лесу. Это письмо я пишу на пластинке из меди и передам корабельщикам. Кто прочтет его, пусть скажет моим землякам-сидонцам, чтобы они спасли меня из тяжелого плена. Да сохранит всемогущий Ваал носителя этого талисмана от несчастий и внезапной смерти! А что будет дальше, о том знает только блистающий на небе Ваал, да прославится имя его".

---

* К а н а р - древнее название легендарной страны в северо-западной Африке.

Я дрожал, потрясенный этим письмом.

Софэр посмотрел на меня сверкающими глазами, положил мне руку на голову и спросил:

- Что же ты, Элисар, думаешь об этом письме, написанном на медном талисмানে? И что бы ты хотел сделать?

Я не знал, плакать мне или смеяться.

- Я хочу сделаться моряком, чтобы поехать в страну Канар и спасти моего отца, - ответил я.

Софэр обхватил свою голову руками и долго сидел неподвижно, глядя на потрескивающий костер. Наши два осла мирно жевали рубленую солому. Погонщик спал.

Наконец Софэр сказал:

- Нам нужно вернуться в Сидон и все рассказать твоей матери Ам-Лайли. Я пойду к самому царю сидонскому и буду просить его, чтобы он послал корабль в страну Канар и выкупил из плена своего сидонца. Отсюда, из Иерусалима, мы должны уехать как можно скорей, иначе всеильный Маллух нас задержит и заставит лечить его живот.

Софэр достал из своего мешка свиток и стал рассматривать через стекло. Я не раз прежде уже видел этот свиток. Там были нарисованы: земля, похожая на распластанный плащ, на ней горы и реки, моря и острова. Софэр водил пальцем, покачивал головой и бормотал:

- Где же страна Канар? Где Счастливые острова?

Я с трудом боролся со сном, глаза слипались. Ночь становилась холоднее. Я поворачивался то на один бок, то на другой, грея теплом от костра то грудь, то спину. Откуда-то, точно издалека, до меня долетали слова Софэра:

- Опять, Софэр-рафа, ты отправишься в скитания, как твой друг мудрец Сунханияфон карфагенский*, и выпьешь до дна из чаши горести... Спи, бен-бен, спи...

---

* С у н х а н и а ф о н к а р ф а г е н с к и й - финикийский жрец из города Берита (Бейрута); его считали автором поэмы о сотворении мира (XI в. до н. э). (Прим. А. И. Немировского.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛАЛА-ЗОР, ГРОЗА МОРЕЙ

1. СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА БРОДИТ ПО НЕБУ

Мы отправились в обратный путь очень рано, когда город еще спал, торговые ряды были закрыты, улицы закутаны в темно-лиловые тени, только вершина далекой горы стала розовой, предвещая рассвет. По улицам бродили стаями голодные собаки; они бросались в сторону, когда мы проезжали.

Городские ворота были уже открыты, и за ними собирались шумной толпой путники.

Тяжелыми шагами подходили двугорбые верблюды, нагруженные длинными мешками с зерном, кувшинами с оливковым маслом. Это был караван царя Соломона, который вез плату царю тирскому Хираму за то, что тот прислал мастеров и рабочих.

С этим караваном можно было ехать без опасения, что нападут разбойники: его охраняли всадники на горячих конях, покрытых шкурами леопардов. Всадники скакали по дороге, кружили, подбрасывали в воздух копы и кричали:

- Скорей вперед, тихоходы!

Мы двинулись быстро. Наши ослы за время пути стали бодрее, потому что Софэр покупал для них ячмень.

На другой день к вечеру мы уже были в Яфо. Издали я увидел стройную мачту нашего корабля "Кокаб-Цафон". Он покачивался в открытом море позади рифов, вдали от берега.

Мы уселись в лодку перевозчика и направились к кораблю. Лодочник умело провел лодку через рифы, но попасть на корабль было нелегко. Волны отбрасывали лодку и грозили разбить ее о борт корабля. Поэтому корабельщики нам сбросили веревку с петлей на конце. Софэр надел ее вокруг пояса, и его потащили наверх, как мешок. Так же, с помощью веревки, взобрался на корабль и я.

Мы нашли себе место в передней части корабля на палубе. Ехало много путников, которые заняли все проходы; с виду они походили на купцов. На них были нарядные египетские одежды, обшитые бахромой и цветными лентами. Они лежали на коврах, окруженные мешками, и бранились, что ждут отъезда уже с самого утра.

Так как мы были покрыты пылью и она проникла в нашу одежду, то я и Софэр долго мылись, доставая морскую воду кожаным ведром на длинной веревке.

На корабле нам было очень хорошо: свежий ветер продувал нас, и после знойного дня приятно было отдыхать, лежа на разостланных плащах.

Все смотрели на берег: видно, кого-то ждали. Наконец показались два мула, один позади другого; они тащили носилки, на которых кто-то лежал, покрытый пурпурными тканями. Сзади шли два верблюда с тюками; вокруг носилок ехало несколько вооруженных всадников с копьями.

- Это едет знатный человек, - говорили купцы. - Смотрите на этих всадников, на их лошадей, на пурпурные ткани!

Вскоре к кораблю подплыла большая лодка. В нее бросили конец каната с петлей. Из лодки донесся сердитый голос:

- Спустите лестницу!

Лодка стала биться около корабля, и сидевшие в ней гребцы изо всех сил отталкивались от него веслами.

С борта корабля выдвинули бревно, к которому была прикреплена веревочная лестница. Один из сидевших в лодке схватил конец лестницы и уверенно поднялся по ней, затем перешагнул через борт. Но здесь он зашатался, корабельщики его поддержали и провели к площадке кормчего.

За ним поднялись трое его слуг, которые разостлали ковер и подушки; больной улегся на них, прикрывшись темно-красным шерстяным плащом. Лица его не было видно, оно было закутано длинным покрывалом, по обычаю кочевых идумейцев. Только черные глаза его засверкали, когда он, войдя на корабль, окинул всех быстрым взглядом.

Кормчий уже стоял на площадке. Корабельщики вытянули из воды тяжелый якорь, зацепили его одной лапой за борт. Гребцы ударили веслами, и корабль быстро направился вдоль берега на север.

Город Яфо удалялся от нас; его дома, скученные, как пчелиные соты, и стены с мрачными башнями постепенно терялись в вечерних сумерках.

Ночь быстро наступала, и мы долго еще видели вдали яфские огоньки.

Ветер постепенно стихал, и поверхность моря успокаивалась. Над нами засверкали бесчисленные звезды. Я сидел на плаще рядом с Софэром; он показывал на небо и говорил:

- Ты должен знать все главные планеты, которые катятся по небу и делят год на равные части. - И он указал мне на несколько блестящих звезд. - Ты видишь на небе Колесницу с дышлом* ? Если от двух крайних звезд провести черту, то мы встретим Северную звезду.

---

* Созвездие Большая Медведица на востоке называется Колесницей.

Финикияне почитали Полярную звезду, называли ее Сидонской (Северной) звездой и верили, что она им покровительствует.

Я действительно увидел низко над горизонтом яркую звезду. Софэр продолжал:

- Северная звезда всегда тебе поможет, где бы ты ни был: в безбрежном море или в неведомой песчаной пустыне. Если ты знаешь, где Северная звезда, то ты не собьешься с пути. Теперь мы едем на север, в Сидон. Значит, звезда будет весь путь впереди нас.

Софэр объяснял, как моряки могут уверенно плыть ночью, если звезды светят на небе, и как опасно плыть в тумане или днем, когда за облаками не видно солнца. Потом он остановился и удивленно стал смотреть на небо:

- Что же это такое? Куда же девалась Северная звезда? Она должна находиться против носа корабля. Почему-то она оказалась против правого борта.

В это время гребцы сложили весла, и на мачте со скрипом поднялся парус. Легкий ветер надул его, и в безмолвии ночи корабль плыл, разрезая темные волны. Береговых огней не было видно.

- Это очень странно, - сказал Софэр и стал сильно сопеть, что он делал, когда почему-либо сердился. - Эли, сходи на площадку кормчего и спроси его, что случилось. Ведь если Северная звезда светит справа, значит, корабль повернул на запад и уходит от сидонского берега в море.

2. СЛУШАЙ ЛАЛА-ЗОРА!

Все путники спали. Гребцы тоже свернулись под скамьями. Мне с трудом удалось пробраться через лежащие тела, и когда я приблизился к площадке, то увидел нечто страшное.

Кормчий Бен-Кадех боролся с тремя людьми, которые повисли на нем и старались его связать. Он хрипел, отбрасывал их и отступал к борту. Поблизости стоял широкоплечий человек и приказывал:

- Вяжите его крепче, а то он распорот вам животы!

Два корабельщика, упав на четвереньки, старались спрятаться между тюками. Подбежали еще три человека, свалили Бен-Кадеха и связали его веревками. От шума борьбы стали просыпаться путники. Раздались крики, гребцы высунули из-под скамей лохматые головы и начали реветь и греметь цепями.

Тогда на месте кормчего появился высокий, с полуседыми волосами человек. Голос его прогремел в трубу кормчего, покрыв вопли путников и крики гребцов:

- Лала-Зор правит кораблем! Приказывает всем молчать!

Свет месяца озарил его мрачное лицо с горящими глазами, и оно мне показалось знакомым - я недавно его видел. Не тот ли это больной, которого Софэр лечил в Иерусалиме? Он ударил ногой связанного Бен-Кадеха и скинул его с площадки вниз, на дно корабля. Кормчий упал, как мешок с зерном, не издав ни единого стона.

Море стихло. Ровная поверхность слегка рябилась под слабым ветерком. Парус повис и полоскался.

- За весла! - закричал Лала-Зор. - Спустить парус!

Надсмотрщик захлестал бичом. Гребцы, бросившись на скамьи, ударили веслами, и вода зашуршала о борта. Я пролез под скамьями гребцов и вернулся к Софэру. Он сидел

неподвижно, схватившись руками за голову.

- Сиди около меня, Эли, - сказал он, - и не отходи! Ноги их бегут к злодейству, а руки ищут крови. Никто не поднял меча для защиты, кроме сидонца-кормчего. Сколько здесь путников, а буйных разбойников только шестеро, и все им покорились, и каждый молча пошел на свою погибель. И я и ты - мы оба станем рабами, и два хозяина поведут нас в разные стороны. А твоя мать будет думать, что это я, неблагодарный Софэр, виновен в твоей гибели, что я умышленно продал тебя в рабство. Она ослепнет от слез и умрет с горя.

Откуда-то по морю пронеслась отдаленная песня. Грубые сильные мужские голоса пели, звуки усиливались и приближались. В дрожащем голубом сиянии месяца показался корабль, он несся прямо нам навстречу. Сильные взмахи длинных весел походили на удары крыльев. На носу корабля горели факелы, и от них по воде, переливаясь, бежала огненная дорожка.

Встречный корабль круто повернулся, подошел к нам и зацепился за борт крюками. Несколько человек с топорами в руках прыгнули в наш корабль.

Лала-Зор гремел с площадки:

- Эй, купцы! Оставляйте ваши вещи и одежды и переходите на другой корабль! Кто будет спорить или прятаться - все полетят за борт!

Еще несколько человек перескочили с соседнего корабля и разбежались по палубе. Ударами и криками они погнали всех путников на свой корабль. Многие кричали и плакали, когда пираты сдирали с них богатые одежды. Другие шли молча, с безумными глазами, как будто ничего не понимая. Один человек с топором подошел к нам:

- Слышали, что приказано? Почему медлите?

Софэр взял меня за руку и подошел к площадке, где стоял Лала-Зор.

- Умеешь ли ты быть благодарным, Лала-Зор? Два дня назад я тебя вылечил от болезни, и ты избежал смерти в постели - самой постыдной смерти для смелого моряка, боровшегося с ураганом, а сегодня ты хочешь меня отправить, как барана, на рынок и продать там вместе с мальчиком-проводником. Какова будет слава о Лала-Зоре, который не умеет быть благодарным!

- Разве это ты мой спаситель? Конечно, я помню, что меня вылечил мудрый Софэр-рафа, и твое место среди нас. Ты останешься теперь навсегда со мной, будешь жить на моем острове и плавать на моих кораблях, чтобы лечить храбрых молодцов Лала-Зора. Не трогайте этого старика, - обратился он к своим молодцам, которые грубо толкали перепуганных и плачущих купцов и перебрасывали их на другой корабль. Гребцов, которые не были прикованы, пираты тоже отправили на другой корабль и сами сели на их места.

Крюки отцепились, и оба корабля разошлись в разные стороны.

Один из пиратов взобрался на верхушку мачты и прикрепил там длинный узкий кусок ткани черного цвета. На ней была изображена мертвая голова среди двух костей.

Опять прозвучал голос Лала-Зора:

- Молодцы, с этого дня у нас новый корабль! Он летит по морю скорее всех других. Мы будем шутя догонять купцов и уходить от военных судов, если они вздумают за нами гоняться. Меремот, выдай всем по чаше доброго вина, которое царь Соломон послал в подарок царю сидонскому. Спасибо ему за угощение! Выпьем за удачу нашего корабля "Кокаб-Цафон"!

Несколько пиратов бросились исполнять приказание. По сторонам площадки кормчего привязаны были ремнями две громадные амфоры, в два раза выше моего роста. Их узкие горла были залеплены черной смолой. Один из пиратов, горбоносый, с длинным шрамом на ноге, ловко отбил смолу, вытащил деревянную пробку, и все пираты подходили за вином со своими чашами золотыми, медными и глиняными. Где я видел этого горбоносого пирата? Не он ли увез Гамалиеля? Этот человек ловко разливал вино, и все его просили:

- Подлей-ка мне еще, Меремот!
Плеснув вино на палубу, пираты восклицали:
- Чтобы удача тебя провожала на всех путях твоих!
Затем отливали вино из чаш в море и кричали:
- Боги морские, живущие в глубоких пучинах! Не гневайтесь на этот корабль, охраняйте его от камней и бурь и дайте ему плавать тридцать лет без пробоин и поломок!

Лала-Зор прогремел в трубу:

- На весла, вперед!

Пираты совершили так много возлияний богам, столько раз наполняли свои чаши, что начали громко смеяться, кричать и обнимать друг друга. Пошатываясь, пираты схватили весла, снова вспенили ими волны и запели*:

Много у нас песен
Длинных, как взмах весел.
Море волны бесит,
Ветер песни уносит.
Двадцать два гребца
С орлиным взором,
Двадцать два храбреца
Слушают Лала-Зора.
Лала-Зор наш храбр,
На корме стоит,
На торговый корабль,
Улыбаясь, глядит.
Двадцать два гребца
Весла бросают,
Двадцать два храбреца
Топоры хватают.
Эй, буря, дай вал!
Ветер, дуй яростно!
Наш парус подымай,
Надувай парус нам!
Как морские чайки,
Разлетаются купцы,
И на реях качаются
Труссы и глупцы.
Двадцать два храбреца
С орлиным взором,
Двадцать два молодца
Слушают Лала-Зора.

---

* Стихи А. Шапиро.

Корабль летел вперед. Вдали показался небольшой гористый остров. На береговой скале стоял одинокий кедр со сломанной вершиной.

3. ГНЕЗДО ПИРАТА

Остров казался недоступным. Одинокая серая скала выступала из моря, и вокруг нее кипели буруны. Волны расшибались о большие черные рифы, и грохот все усиливался.

Не было видно ни залива, ни бухты, чтобы подъехать к скале. Казалось, невозможно приблизиться к этому кипящему водовороту, где всякий корабль немедленно должен был разбиться в щепки. Но весла по-прежнему равномерно взлетали и ударяли по волнам,

корабль неся прямо на буруны. Пираты пели свою песню, покрывая грохот волн:

Двадцать два гребца
С орлиным взором,
Двадцать два храбреца
Слушают Лала-Зора...

Я со страхом смотрел на знаменитого вождя пиратов. Куда, в какую бездну ведет он корабль? Неужели правда, будто он с кораблем может нырнуть, как утка, на дно моря и выплыть в другом месте, ускользнув из-под носа военных судов?

Лала-Зор стоял спокойно, расставив ноги, с медной трубой в одной руке, держась за перила другою. Ветер развеивал его длинные пепельные волосы и трепал его красную одежду. Он смотрел то на сломанный кедр на скале, то на небо, то на буруны, вероятно определяя место, куда направить корабль.

- Готовься! - прогремел его мощный голос, и все гребцы напряглись изо всех сил, ускорив бег корабля.

Два корабельщика, припав к рукояткам рулевых весел, были наготове. Уже совсем близко чернели рифы, бурлящие в воде. Лала-Зор поднял обе руки, и все весла разом поднялись стоймя. Корабль неся вперед силою разбега. Еще несколько мгновений - корабль сделал три поворота среди пены и клубящихся волн и, обогнув большой риф, оказался в узкой бухте.

Здесь было тихо, волны, утомленные борьбой с бурунами, лизали подножие скал. Еще два-три удара весел - и корабль пристал боком к растрескавшемуся граниту.

Я оглянулся назад, на море. Прибой с грохотом хлестал о рифы, и трудно было заметить среди камней тот проход, по которому только что проскользнул корабль. Кругом было угрюмо и пустынно. Голые скалы нависли над водой. В расщелинах пробивались искривленные кусты можжевельника, стебли капорцев и других выющихся растений.

Пираты, нагрузив на спины тюки, стали взбираться на скалу по едва заметной тропинке.

- Вы-то чего ждете? Снимайтесь с якоря! - рявкнул надо мной громадный одноглазый пират.

Мы перебрались по доске на скалу и стали карабкаться вверх по стертým ступенькам, высеченным в скале. Перевалив через хребет, мы оказались в ущелье. Грубо сложенная из камней хижина прилепилась к горному склону. Оттуда выползло несколько калек - один был без руки, другой полз на четвереньках.

Пираты разостлали ковры и высыпали на них все, что было принесено с корабля: свертки шелка, одежды, кубки, мешки с серебряными украшениями. Калеки развели костер из корабельных обломков и стали жарить на вертелах куски мяса.

Лала-Зор завернулся в плащ из меха белого барана и лег на ковре около костра. Пираты сели широким кругом. Каждый из разбойников бросал костяные кубики с черными точками, громко считал, сколько у него выпало очков, и получал свою долю добычи.

Софэр и я сидели в стороне. Старик сердито смотрел, сопел и иногда шептал:

- Доколе, невежды, будете любить невежество! Доколе, буйные, будете усаждаться буйством!

В стороне пираты поставили несколько амфор, и двое стали разливать вино. Один крикнул мне:

- Эй, цыпленок, чего сидишь без дела? Разноси чаши князьям моря.

Я подбежал и стал помогать, поднося полные кубки и чаши сидевшим. Мне пришлось без отдыха бегать, чтобы подливать всем вино.

- А где кормчий? Почему его нет? - спросил кто-то.

- Привести его сюда! Мы будем судить его! - подхватили голоса.

Бен-Кадеха сейчас же привели; руки его были туго связаны за спиной. Его поставили посередине круга на коленях.

- Кланяйся нам пониже! Сейчас мы засудим тебя за то, что ты посмел бороться с нами! - кричали голоса.

- Тише, князь, - сказал Лала-Зор, и все замолкли. - Этот человек искусный моряк, он построил наш корабль. Хотите ли, чтобы он стал плавать вместе с нами?

- Хотим! - закричали одни.

- Не надо, он предаст нас! - ответили другие.

- Найдутся ли три человека, которые будут за него? - спросил Лала-Зор.

Поднялось несколько рук. Я тоже поднял руку.

- Кормчий, князь хотят, чтобы ты сделался нашим корабельщиком. Хочешь ли ты тоже сделаться князем моря? Будешь ли ты верно помогать нам и вместе идти в бой, не боясь смерти?

Бен-Кадех молчал. Один пират сказал ему:

- Мы вместе наберем всякого драгоценного имущества, наполним подвалы наши добычей. Жребий ты будешь бросать вместе с нами, склад будет один у всех нас.

Бен-Кадех, глядя в землю, ответил глухо:

- Вы - князь моря, а я - сын моря. Я построил этот корабль не для того, чтобы его доски поливать кровью и чтобы люди бежали от него, как от страшного дракона. Я хотел, чтобы путники на нем не боялись бурных волн моря и могли плавать от одного конца земли до другого. С вами вместе, князь моря, я быть не могу.

- Он не с нами, он не наш! Бросить его сейчас со скалы! Чего ждать? закричали пираты, хватаясь за ножи.

- Пойдите! - сказал Лала-Зор. - Он может еще передумать. Незачем терять опытного моряка. Мы его прикуем на цепь, и он будет нашим хорошим гребцом. А пока запрячьте его в клоповник. Уведите его!

Два пирата повели Бен-Кадеха в глубину ущелья. Остальные пели песни, дикие, как вой ветра. Один заиграл на свирели. Некоторые вышли на середину, взялись за руки, подняли их вверх и заплясали, выбрасывая очень искусно ноги. Пираты хлопали в ладоши в лад музыке. Потом закричали:

- "Газлоним"! Спляшите "газлоним"!

Я знал эту пляску - ее пляшут и наши рыбаки в Авали. В ней один плясун изображает испуганного путника, а другой - свирепого разбойника.

Все закричали:

- Пускай старик-лекарь спляшет "газлоним"!

Но Софэр сказал:

- Дети мои, я буду лечить ваши раны, которые вы получаете по глупости вашей, но у меня волосы побелели от того горя, которое я видел в жизни. Поэтому не заставляйте меня уподобиться шуту на базаре. Сердце мое разорвется, и некому будет лечить вас.

Тогда я выскочил вперед и закричал:

- Я буду плясать "газлоним"! Кто хочет плясать со мной?

- Ай да петушок! Ну-ка Махарбал, выходи плясать с ним.

На середину круга выступил огромный силач с одним глазом. За поясом у него было два ножа и широкий меч на бедре. Свирель засвистела песенку "газлоним". Мне дали в руки два ножа. Я стал изображать разбойника, прыгал как можно выше, потрясая ногами и делая страшное лицо, пират делал вид, что меня боится, ползал на четвереньках, становился на колени, протягивал руки, прося не убивать его. Наконец я простил его и даровал ему жизнь, поставив ногу ему на затылок. Всем пиратам очень нравилась эта пляска, они гоготали и требовали, чтобы я еще и еще плясал. Наконец я упал на ковер около Софэра, и меня

оставили в покое.

Я крепко заснул и, вероятно, спал долго.

Холод разбудил меня. Месяц освещал ущелье, черные тени залегли в глубоких трещинах скал. Все пираты спали, костер потухал, и только вспыхивали его последние огни.

4. ВЕТЕР ПОДХВАТИЛ ПАРУСА

Мы находились внутри громадной каменной чаши. Софэра около меня не было. Это меня встревожило. Жив ли он? Что с ним сделали эти люди? Я поднял кем-то брошенный нож, тихонько вышел из круга, где на коврах лежали спящие, и спустился вниз по ущелью. Я думал о Софэре и Бен-Кадехе.

Тропинка, извиваясь, шла вдоль мрачных скал. Около одной из них я услышал легкий свист. Как будто кто-то позвал меня. Осторожно приблизился я к скале и заметил небольшую дверь с засовом.

В окошко смотрел блестящий глаз.

- Мальчик, - услышал я шепот, - подойди поближе.

Страшно было подойти - все казалось, что сзади по тропинке сейчас прибегут пираты и сбросят меня в море.

- Куда эта дверь? - спросил я.

Голос из окошка ответил:

- Это яма, клоповник. Сюда князья запирают своих пленных.

- Посадили к вам сегодня старика?

- Нет, сюда сегодня сбросили молодого корабельщика со связанными руками.

- Может ли он поговорить со мной?

- Мы сейчас ему поможем подняться сюда.

Послышались стоны, тихие голоса, потом в окошечке снова показался чей-то глаз.

- Это ты, мальчик из Авали?

- Ты ли это, кормчий Бен-Кадех?

- Я. Скажи скорей, что делают теперь эти собаки?

- Все крепко спят.

- Если ты хочешь сделать храброе дело, достойное взрослого воина, осмотри дверь и попытайся открыть ее.

Я осмотрел дверь. Засов был большой, дубовый, ремни крепкие. С помощью ножа я разрезал ремни и сдвинул засов. Тяжелая дверь с трудом подалась. Из черного отверстия вышел Бен-Кадех с руками, скрученными за спиной. Я перерезал ремни, и Бен-Кадех с трудом расправил онемевшие руки.

- Скорей, выходите! - шептал он в отверстие двери.

Оттуда вышли четыре человека, грязные, обросшие длинными волосами, как звери; ужасное зловоние исходило от них. Все они были покрыты язвами и кровоподтеками. Бен-Кадех запер дверь, заложил засов и снова затянул его ремнями.

- Идите за мной, - сказал один из вышедших узников, седой, тощий старик. - Я покажу путь, по которому можно спуститься к морю.

- А где твой Софэр, жив ли он? - прошептал Бен-Кадех.

Я объяснил, что около меня его не оказалось.

- Где искать его?

- Подымись на вершину, посмотри кругом, - торопил Бен-Кадех, - и как можно скорей приведи его вниз, к кораблю. Если сможешь, захвати с собой оружие. Мы ждать не будем. Если вы запоздаете, то погибнете.

Я понимал, что надо торопиться, что каждое мгновение дорого, и быстро поднялся к тому месту, где спали пираты. Ничего не изменилось. Некоторые лежали, разметав руки, что-то бормотали, вскрикивали и хрипели, точно кто-то душил их.

Я подошел к хижине. Высокий человек преградил мне дорогу.

- Я давно замечаю, что ты ходишь и чего-то ищешь. Чего тебе надо?

Это был Лала-Зор. Его лицо было мрачно, он опирался на топор с длинной рукояткой.

- Я ищу старика Софэра, - ответил я. - Я спал около него на ковре, а теперь его там нет.

- Наверное, сидит на корабле и смотрит в ту сторону, где осталась его родина. Ты его еще увидишь. На этом острове никто и ничто не пропадает. А сейчас пойдешь со мной. - Лала-Зор толкнул ногой дверь и прошел в хижину.

Я прошел с ним в небольшую комнату, освещенную коптящим светильником. В ней спало несколько человек. В глубине была вторая, низкая дверь. Мы пошли дальше и оказались в большой пещере. С потолка свисали хрустальные сталактиты, в которых играли огни от трех бронзовых подсвечников. Стены и пол были убраны множеством разноцветных ковров. Ряд сундуков стоял около стен. На них лежали потемневшие от времени панцири и шлемы и разное оружие.

Лала-Зор опустил в красивое кресло, отделанное слоновой костью, и указал рукою на скамеечку у его ног.

- Сядь, мальчик, и слушай, что я скажу. Здесь, в этих сундуках, сложены бесчисленные богатства. Их там так много, что мне мог бы позавидовать любой царь. Отныне ты будешь моим слугой. Я очень болен, часто открываются старые раны, и тогда я теряю все мои силы. Мне нравится, как ты ухаживаешь за слабым стариком, я хочу, чтобы ты так же ухаживал за мной. Старик мне сказал, что ты добрый и честный мальчик. Если я увижу, что ты предан мне, я тебя объявлю моим сыном, и все это богатство будет твоим.

Он внимательно посмотрел на меня.

- Но что я буду делать со всем этим богатством? - спросил я. - Я думаю, что оно и тебе только мешает. У моей матери есть хижина на высоком берегу моря, и около нее растет пальма, которая каждый год дарит нам мешок фиников. В нашей хижине есть очаг, он нас греет, и на нем Ам-Лайли печет лепешки. У нас есть циновка и бараний мех, на которых мы спим, и есть плащ - он нас покрывает и защищает в холодную погоду. Разве тебе нужно столько светильников, когда достаточно одного, чтобы писать буквы, как Софэр, или прясть нитки, как делает мать? Я хотел бы сделаться моряком. Мать хочет, чтобы я был горшечником, а Софэр учит меня читать книги. Я очень тебя жалею. Сколько эти богатства доставляют тебе забот!

Лала-Зор улыбнулся. С удивлением я увидел, что его мрачное, с суровыми морщинами лицо могло светиться какой-то лаской и радостью.

- Ты первый, кто не хочет моих богатств. А они все только и думают, чтобы их отнять...

Лицо Лала-Зора снова стало суровым, побледнело; он оглянулся кругом и двумя руками сжал рукоятку топора. С дикими глазами он стал шептать:

- Пока я силен, они боятся и слушаются, но если только они увидят, что я ослабел, то придут и задушат меня... Вот, ты слышишь? Они уже идут... Джемма, сюда!

Из угла пещеры раздалось мурлыканье. Громадная пятнистая пантера в два прыжка очутилась около Лала-Зора и остановилась, подняв лапу, готовая броситься. В ее глубоких черных глазах вспыхивали голубые искры.

- Тише, Джемма, не тронь! Это наш новый друг.

Пантера успокоилась, потянулась, зевнула и улеглась у ног Лала-Зора. Он осторожно прислушивался и шептал:

- Вот они, я слышу шаги... Они уже раскрыли дверь...

Но все было тихо в пещере, так тихо, что в моих ушах стучала кровь. Где-то со сталактита мерно падали капли воды.

Я сидел неподвижно. Топор выпал из рук Лала-Зора. Он спал.

Я вспомнил наказ кормчего, поднял топор и осторожно вышел из пещеры.

Все дремало. Бесшумно прошел я мимо спящих пиратов, затем ускорил шаги, быстро поднялся на перевал и стал спускаться вниз, к кораблю. Если бы не светил месяц, я никогда бы не смог спуститься. Тропинка шла по краю высокого обрыва; ступать приходилось по выбитым в скале, едва заметным ступеням. Босыми ногами я ощупывал каждую выемку в камнях и наконец благополучно спустился вниз.

Бен-Кадех и четверо узников были на корабле. Они объясняли прикованным гребцам, что все будут свободны, если помогут провести корабль через бурные рифы. Гребцы обнимали Бен-Кадеха и целовали его одежду. Здесь я увидел Софэра. Он сидел на носу корабля и смотрел вдаль.

- Что с тобой, Софэр-бобо?

- Я плачу над тем, что стар, бессилён и не могу помочь этим людям. Или сейчас мы все снова получим свободу, или погибнем навсегда.

Бен-Кадех не терял ни минуты. Вместе с узниками он оттолкнул корабль, и все взялись за весла. Самый опытный узник стоял на площадке и давал знаки, куда направлять судно. Веслами и баграми все продвигали судно между камнями и боролись с волнами, которые катились навстречу и то поднимали корабль, то бросали его в пенящуюся бездну.

Я смотрел на удалявшийся от нас скалистый остров. На его вершине, около сломанного кедра, показался человек. Он глядел в нашу сторону. Кто провожал нас взглядом - Лала-Зор или один из пиратов, - узнать было нельзя. Видно было только, как ветер трепал его одежду.

Корабль наконец вышел из бурунов. На мачте поднялся парус, и мы понеслись в открытое море. Скалистый остров Лала-Зора скоро потерялся в тумане.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КАРФАГЕН

1. НАС БЫЛО ТРИНАДЦАТЬ

Буря несла наш корабль в неведомую даль. Низкие серые тучи заволокли небо. Иногда косо́й дождь поливал нас тяжелыми каплями. Бен-Кадех и два рулевых не сходили с мостика и, накинув концы плащей на голову, продолжали вести корабль.

Куда мы летели? Каждый строил свои догадки: одни - что к берегам Египта, другие - что обратно, к сидонским портам. А корабль, поскрипывая, то взлетал на гребни валов, то нырял в прозрачную бездну; всплески волн перелетали через него. Как на качелях, когда падаешь сверху вниз, замирало сердце, и казалось, вот-вот доски вылетят из-под ног и ты погибнешь в пучине.

Нас было тринадцать человек. Бен-Кадех правил кораблем, ему помогали четыре бежавших узника - когда-то они были моряками. Все четверо были очень худы; из-под нависших волос горели неугасимым пламенем глаза. Желание жить и бороться за свою свободу заменяло им силу. Только когда Бен-Кадех позволял им оставить канат или весло, они падали и сразу засыпали.

Из шести прикованных рабов один, грек, был мне знаком: когда-то я угостил его лепешками. Был еще египтянин с остроносом, как у птицы, лицом и высоко поднятыми прямыми плечами. Он никогда не смеялся и ходил невозмутимый, на длинных ногах, как журавль. Были два скифа с широкими светлыми бородами. Они были много сильнее других гребцов. На руках и плечах у них вздувались шары, когда они ворочали тяжелыми веслами. Были также двое чернокожих по имени Муха и Хадо, с сильными цепкими руками и прямыми, как палки, тонкими ногами. На голове у них волосы вились, как у барана. Оба часто ссорились между собой и так кричали, ворочая белками глаз, что казалось, они сейчас убьют друг друга. Потом они мирились, смеялись и вместе распевали песни.

Шесть гребцов, как только мы отошли от острова, были сейчас же раскованы, и бронзовый топор, захваченный мною у Лала-Зора, помог сбить цепи и кольца с ног. Грести не нужно было - красный парус, наполненный ветром, неудержимо увлекал корабль вперед.

К утру следующего дня буря стала усиливаться. Бен-Кадех приказал опустить и свернуть парус и повернуть корабль носом против ветра. Все просмоленные канаты, протянутые к мачте, свистели и выли, рулевые сменялись, утомленные борьбой с ураганом, но Бен-Кадех, с похуевшим лицом и красными, воспаленными глазами, все не хотел оставить своего места.

Мы все страдали от непрерывной качки и от голода. На корабле среди многих тюков с тирскими пурпурными одеждами не было ни одного с едой. Кто-то нашел только мешок с сушеным виноградом. Это была наша единственная пища, и мы получали виноград поровну - по две горсти.

Труднее всего было плыть ночью в полной темноте, когда слышны только свист ветра, грохот бури и удары волн о борта корабля; каждое мгновение казалось, что мы сейчас погибнем.

На второй день я заметил странное явление. От качки по дну корабля перекачивалась вода и несла разный мусор. Среди мусора были финиковые косточки. Откуда они могли явиться? Я вычерпывал воду вместе с мусором, но косточки снова появлялись. Значит, у кого-то есть мешок фиников, и он тайком ест их, не делаясь с другими. Нет ли среди тюков мешка с финиками? Может быть, их грызут крысы? Я полез под палубу на корме. Там было очень тесно, но я кое-как пролез вперед и приблизился к самому концу.

Сквозь щель в палубе падал слабый свет, и я различил лежащего боком человека. Что-то знакомое показалось мне в его горбоносом лице и длинных тощих ногах.

Я скорее отполз обратно и пришел к Бен-Кадеху:

- На корабле оказался еще один человек.

- Опять в кожаном мешке?

- Нет, он лежит под палубой и ест финики. У него большой запас, и потому он не вылезает, чтобы не делиться с нами. Это тот самый Меремот, который был слугой у Лала-Зора.

Бен-Кадех поручил двум чернокожим привести Меремота. Но вытащить его было нелегко - он упирался и кусался. Тогда Муха и Хадо схватили его за ноги и приволокли на палубу к кормчему. Здесь Меремот бросился лицом вниз:

- Я буду гребцом всю жизнь до самой смерти, только не убивай меня!

- Ты зачем спрятался?

- Когда корабль поплыл, я вскарабкался на него и спрятался, чтобы не остаться на острове - делить злую судьбу с пиратами. Я мирный купец, не пират.

- Пой песни, нас не проведешь! Ты, как крыса, прогрыз мешки. За это ты умрешь с голоду! Привяжите его к мачте!

Меремот, поняв, что его не убьют, сразу успокоился. Его руки были прикручены к мачте. Он перестал выть и только злобно, исподлобья смотрел на всех.

На третий день утром обнаружилась течь: вероятно, где-нибудь расшатались доски. Вода постепенно прибывала. Всем пришлось непрерывно вычерпывать воду и забивать щели паклей. Но буря стала стихать, парус снова поднялся, и мы опять помчались вперед.

В воздухе потеплело. Холодные порывы ветра прекратились, и начало парить. От тюков и досок подымался, как дымок, легкий пар. Вдруг среди туч показалось ослепительное солнце, и все закричали:

- Земля!

Вдали, среди бурного моря, протянулась низкая желтая полоска земли, и на ней подымались стройные пальмы с пушистыми верхушками. Оба скифа стали бить себя в грудь кулаками, завывали и заплакали, как дети.

- Что с вами? Ведь спасение близко? - спросил их Софэр, понимавший скифский язык.

- Почему здесь пальмы? Почему не сосны и ели, покрытые снегом? Мы думали, что

плывем на нашу родину, в Эвксинский Понт*, а теперь видим эти длинные метелки и знаем, что мы опять очень далеко от родной земли.

* Э в к с и н с к и й П о н т - древнегреческое название Черного моря.

Софэр развернул свой пергаментный свиток с картой земли и стал высчитывать, куда мы могли попасть.

- Буря унесла нас так далеко, - сказал он, - что это, быть может, Счастливые острова.

Тучи мчались вдаль, небо становилось все синее, и берег все отчетливее приближался к нам. Вдали показались голубые горы; перед ними рассыпались бесчисленные песчаные холмы, и неожиданно под низкими серыми тучами выплыл странный розовый город.

Зубчатые стены, высокие башни, большие храмы, кубические дома и одинокие пальмы - все было нежно-розового цвета, как крылья фламинго.

- Это Счастливый остров! - восклицал Софэр. - Смотрите, как прекрасен этот город! Там, наверное, живут блаженные люди, не знающие ни слез, ни горя. Там нет гнева и преступлений, нет рабства и бичевания. О небо, как я рад, что перед смертью увижу счастливый край, который искал всю жизнь!

Теплый ветер уносил наш корабль к розовому городу, а мы, обессиленные от напряженной работы, продолжали вычерпывать воду.

2. РОЗОВЫЙ ГОРОД

Приближался вечер, и багровое солнце опускалось в море, когда наш корабль проплыл мимо сторожевой башни. Мы вошли в тихую внутреннюю гавань. Множество судов стояло там, упиравшись выгнутой кормой в каменную набережную. Среди них причалил и наш "Кокаб-Цафон". С соседних кораблей моряки кричали:

- Вам Мелькарт помог добраться до берега! Кто же выходит в море в такую бурю!

Мы пристали вовремя, так как вода в корабле все прибывала.

Все наши корабельщики выскочили на берег и общими усилиями втащили корму корабля на набережную и прикрепили ее канатами к каменным столбам.

Несколько человек с короткими копьями в руках и широкими мечами у пояса остановились около нас.

- Кто хозяин корабля? Откуда вы прибыли? - спросил один, сурового вида человек с рогатым шлемом на голове. В руках он держал деревянную дощечку и заостренную палочку для письма.

- Хозяин корабля - купец Макар из Сидона, - ответил Бен-Кадех. - Мы плывем из Яфо. Буря отнесла нас в эту сторону.

- Не верь ему, он лжет перед солнцем и людьми! - вдруг закричал с корабля Меремот. - Все они пираты! Они напали на корабль, перерезали путников, я один остался в живых.

- Вот как! Ценные птицы попались в сети, - сказал человек в шлеме. Отвяжите-ка этого человека и приведите ко мне. Позовите еще воинов и поставьте стражу. А вы, морские разбойники, ступайте назад на корабль и не смейте сходить на берег!

Бен-Кадех ответил:

- Ты веришь одному человеку, помеси грязной свиньи и лживой сороки, а не веришь мне, честному кормчему купца Макара?

- Сегодня поздно вас судить - ночь близка. Вас зорко будут сторожить воины и побьют копьями каждого, кто попытается убежать с корабля. А завтра я допрошу вас - тогда я узнаю, кто из вас говорит правду. Я вижу, что у вас все рабы без цепей, а это плохой знак.

Воины отвязали Меремота; он подбежал к начальнику и поцеловал подол его одежды.

- Этот кормчий - самый опасный пират, - сказал он, указывая на Бен-Кадеха. - Он режет детей, женщин и славится тем, что живыми сжигает пойманных купцов. Его надо казнить...

Что мы теперь могли сделать?

Начальник с Меремотом ушли, а воины, угрожая и подкалывая копьями, заставили всех нас вернуться на корабль. Затем они разложили на берегу яркий костер и уселись вокруг него. С нами они не разговаривали и на всякий вопрос подымали копья, точно хотели пронзить нас.

Бен-Кадех, смеясь, обратился к Софэру:

- Ты все еще думаешь, что это Счастливый остров? Не очень-то ласково нас здесь встретили. - Он крикнул корабельщикам ближайшего корабля: Какой это город?

На кораблях стояло много моряков; они смотрели в нашу сторону. Один ответил:

- Как, ты не узнаешь этого богатейшего города? Это же Карфаген*.

---

* К а р ф а г е н - (Карт-Хадашт, что значит "Новый город")

финикийская колония в Северной Африке.

Все наши товарищи собрались вокруг Софэра и стали обсуждать, что делать. Старый узник сказал:

- Я знаю хорошо Карт-Хадашт. Здешние люди - купцы, торгаши, они не лучше самого Лала-Зора. Если они решили забрать наш корабль, то нас не выпустят, а продадут в рабство.

Софэр спорил с ним:

- Неужели ты не веришь в справедливость людей? Неужели нет чести и правды в сидонском сердце? Здесь нас не посмеют обидеть. В этом городе живет мой друг, большой мудрец Сунханиафон. Он гостил у меня в Вавилоне, когда изучал науки магов. Он жил в моем доме, ел мой хлеб, пил мое вино. Надо послать к нему кого-либо вестником и сказать, что я приехал.

- Но кто же может сходить к нему? Никого отсюда не выпустят, говорили товарищи. - А завтра всех нас продадут в рабство на уходящие в море корабли, и мы, прикованные к скамьям, разъедемся в разные стороны.

- Значит, надо передать ему письмо сегодня же, - сказал Бен-Кадех. Кто-нибудь из нас это сделает.

Всегда молчаливый египтянин предложил:

- Пусть пойдет мальчик Элисар: ему легко всюду пролезть, и воины его не задержат.

От костра отделился и подошел к нам один воин.

- Кто из вас самый главный пират? Слушайте, что я скажу. Все вы будете распяты на крестах. Терять вам нечего, кроме головы. Если вы хотите перед смертью последний раз вкусно пообедать, то я вам сейчас пришлю жареной баранины, соленой рыбы, вина и всего, чего вы хотите. За это подарите мне хороший плащ. Вы их награбили много.

- Спасибо тебе, добрый воин, - сказал египтянин. - На твоём лице написана красота Мелькарта, мудрость Ваала, а в плечах видна сила Рефаима. Мы сделаем так, как посоветовало твое почтенное слово. За это позволь сделать тебе ценный подарок. Возьми дорогую тирскую пурпурную одежду. Но пусть твоя доброта не закроет уши перед нашей просьбой: пропусти на берег этого мальчика. Зачем страдать ребенку? Здесь в городе, в квартале Мегары, живет его тетка.

Воин поспешно схватил поданную ему красную одежду и спрятал ее под своим плащом.

- Если я кого-нибудь из вас выпущу, то мне отрубят голову и подвешат ее под городскими воротами в птичьей клетке.

Воин повернулся и ушел назад к костру.

Софэр сказал мне:

- Лучше быть голодным нищим на берегу, чем сытым гребцом на царском корабле. Я напишу письмо другу, мудрому Сунханиафону, а ты постарайся разыскать его и спасти всех

нас.

Софэр достал кусок папируса, камышовую тростинку, баночку с темным соком каракатицы* и стал писать письмо.

---

* Морская каракатица для самозащиты, чтобы замутить воду, выпускает черную жидкость. Из нее добывается темная краска сепия.

3. КАК ЗАПЛАКАЛ КАМЕННЫЙ БОГ

Воин вскоре вернулся. С ним шел слуга с большой корзиной на голове. Оба остановились около корабля и передали нам корзину. В ней были хлеб, лук, большие лимоны и куски жареного мяса.

Когда все припасы были вынуты, Бен-Кадех шепнул мне:

- Ложись в корзину, не шевелись в ней и не выглядывай, пока не позволят выйти.

Софэр передал мне свернутый в трубочку папирус, я спрятал его за пазуху, затем улегся в корзину, свернувшись как только мог. Меня прикрыли пурпурной одеждой. Я неподвижно лежал в темноте и чувствовал, как корзину подняли, передали через борт корабля слуге. Потом я слышал мягкий звук шагов. Меня несли куда-то. Один раз какой-то голос окликнул:

- Чей ты? Что несешь?

- Я слуга начальника гавани, несущу рыбу.

- Ты бы уступил нам одну рыбешку!

- Она вся сосчитана.

- Эх, жадный! О, чтоб Мелькарт разорвал тебя на части!

Через несколько времени корзина тряхнулась и ударилась о землю.

- Вставай! Довольно я тебя нес. Теперь пойдем вместе. - Слуга крепко схватил меня за руку и вытащил из корзины.

- А куда мы пойдем?

- Понятно, куда: в дом моего хозяина. Он давно хотел иметь мальчика для посылок.

Его слова меня испугали: "Меня хотят сделать слугой! А письмо?.. Товарищи на корабле ждут моей помощи. Нужно убежать!"

Мы шли по пустынной улице. По обе стороны тянулись стены домов, сменяясь густыми зарослями широколапых кактусов. За стенами иногда слышались голоса, плач ребенка, заунывная песня. Сумерки все сгущались, быстро наступала ночь.

В конце улицы послышался шум, и нам навстречу метнулось несколько бродячих собак. Они с визгом бросились вниз, под кусты кактуса, и мгновенно исчезли. Я вспомнил мудрое правило Гамалиеля: "Где пролезает собака, она показывает путь к сладости огорода и спасению от наказания". Я не колебался и вцепился зубами в руку слуге. Он выпустил меня, а я бросился на землю, отыскивая ту лазейку, где только что скрылись собаки. Ползком я стал пробираться под колючими лапами кактуса.

Сзади слышались ругательства слуги, несколько комков земли полетели мне вдогонку, но, не останавливаясь, я карабкался все дальше по собачьему ходу. Всюду висели клочья шерсти. Уже шея и руки мои были исцарапаны, но что до этого! Я был на свободе и думал только о письме, которое мне нужно было скорее доставить ученому Сунханафону.

Кактусы кончились. Впереди в сумерках вырисовывался небольшой сад. Справа было каменное здание с покатой крышей, на которой блестили стеклянные шары. Под крышей тянулся ряд колонн. Между ними стояло каменное изваяние чудовищного бога с громадной бараньей головой. Два рога завивались около ушей. Я стал обдумывать, что делать дальше.

Два человека в старой, рваной одежде, с небольшими корзинками в руках прошли по дорожке мимо меня и опустились на колени перед каменным богом. Они подымали руки, вздыхали и падали ниц. Один говорил:

- О ты, великий, сильный, как туча, летящая по небу! Прогони болезнь, которая душит

моего сына!

- Великий Ваал, - взывал другой, - не гневайся на нас. На мою пашню напали черви и поедают хлеб, а собиратель податей требует уплаты. Порази его своим огнем, прогони червей и сохрани мою пашню, чтобы я мог прокормить мою семью!

Оба усердно стучали лбами о каменный пол.

Вдруг черные глаза каменного бога засияли красным светом, и глухой голос прозвучал:

- Я поражу моим гневом и тебя, и твоих сыновей, и внуков! Молитесь больше, не забывайте поминать господина вашего, и болезнь перестанет терзать твоего сына, и хлеб уродится на пашне...

Молившиеся упали и долго лежали. Свет в глазах каменного бога потух. Бедняки стали пятиться, посыпая головы морскими ракушками.

- Бог услышал наши молитвы! Хвала тебе, великий Ваал-Хаммон!

Затем, оставив свои корзины на ступеньках храма, оба бедняка поспешно ушли.

Из-за каменного чудовища вышел сухой, согнувшийся старик и, бормоча, ушел внутрь храма. В круглом окне под крышей засветился одинокий огонек.

Я подождал немного и затем осторожно направился к храму. Я поднялся по ступенькам каменного чудовища - оно ведь было похоже на тех божков, которых у нас в Сидоне ставят в часовнях на перекрестках дорог. Со ступенек храма был виден весь город. Бесчисленные дома со светящимися огоньками, окруженные деревьями и пальмами, спускались по склону холма к морю. Оттуда доносился знакомый шум морского прибоя.

Позади себя я услышал шипение и оглянулся. Две большие, длинные, как жерди, черные змеи ползли по белым плитам. Они высоко подняли головы и шипели, как гуси, приближаясь с двух сторон ко мне. Отступив назад, я прижался к спине каменного бога и едва не упал - сзади меня открылась дверца, я проскочил внутрь и захлопнул ее. Сверху проникал слабый свет. Ступеньки вели к голове бога. Справа в углублении в медном котелке тлели раскаленные угли. Возле них висела связка восковых свечей. Я поднялся по ступенькам, и моя голова оказалась в пасти каменного бога.

Снаружи послышались голоса. Неизвестные говорили совсем близко. Женский голос ласково уговаривал:

- Дедушка, не бойся, подходи ближе. Подымись сюда и сядь на ступеньках, а я буду петь молитвы. Подержи корзинку с голубями. Я посмотрю, здесь ли жрец Эшмуназар.

Слабый, старческий голос отвечал:

- Не отходи от меня, Эмашторет! Я боюсь этого бога. Он глядит на меня огненными глазами, точно хочет каменной лапой раздавить мне голову.

Сандалии Эмашторет застучали по каменным плитам. Она воскликнула:

- О священные змеи, не троньте меня! Вот я принесла вам чашку молока. Я не сделала ничего дурного, пропустите меня в храм!

Скрипнула дверь. Кто-то сердито спросил:

- Что тебе нужно? Зачем тревожишь меня так поздно?

- Я целый день работала на поле и освободилась только сейчас. Протяни мне руку милосердия и разреши мне произнести молитвы всемогущему Ваалу-Хаммону.

- Ну, хорошо, хорошо, дочь моя! А ты не забыла принести положенное даяние в пользу храма? Не скупись, не жалея даров на богоугодное дело.

- Я принесла двух белых голубей, четыре рыбки и сноп пшеничных колосьев.

- Скупы стали люди, - хрипел жрец. - Другие не жалеют для нас барана или теленка. О чем ты хочешь молиться?

- Шесть лет назад в этот день я потеряла сына. Он с другими мальчиками играл на морском берегу. Подъехали лодки, в них сидели злые люди. Они схватили детей и увезли их в море. Только двое из игравших на берегу прибежали домой и рассказали про кражу

детей... Тогда моему сыну было десять лет...

- Стань здесь на колени, - ответил жрец, - закрой глаза, протяни могучему богу руки и молись.

Нежный голос запел песню, в которой чувствовалось глубокое горе:

Верни мне сына, моего прекрасного сына!

Он был похож на жемчужину в раковине.

Он был мое сердце,

И сердце мое вынули у меня.

Верни мне сына, моего прекрасного сына!

И месяц и солнце по очереди светят на землю.

Они освещают и днем и ночью мою грустную жизнь.

Все для меня померкло с потерей сына,

И в сердце моем и пламя и ад.

Верни мне сына, моего прекрасного сына!

Неужели он убит и не видит больше и не слышит?

Лгут они, лгут! Не умер он, а скитается по свету.

Кто скажет мне, несчастной, где мой прекрасный сын?

Я обернусь белой голубкой и полечу к нему*.

---

* Эта песня поется женщинами на берегах Сирии. (См. Кундурушкин. "Сирийские рассказы".)

Этот голос походил на голос моей матери, песня говорила о том же горе, которым страдала теперь Ам-Лайли. Невольные вздохи стали вырываться из моей груди. Я не мог больше удержаться, стал сильнее всхлипывать и наконец громко зарыдал.

Голоса затихли, раздался шепот:

- Ты слышишь? Даже сердитый бог Ваал-Хаммон не выдержал и сам заплакал.

Потом раздалась крики и топот ног.

Я поспешил выбраться из каменного бога и вышел на ступеньки храма.

Женщина с криком бросилась ко мне:

- Вот он, мой Харух, мой маленький Харух! Ваал услышал мои молитвы и вернул мне сына!

Она подбежала ко мне, схватила меня за руку и стала всматриваться в мое лицо:

- Те же кудри, те же глаза! Но где родинка на щеке? Кто ты?

Я все еще продолжал обливаться слезами и, всхлипывая, сказал:

- О добрая женщина! Мне стало жаль тебя - я тоже оторван от матери разбойниками моря. Поэтому я вышел к тебе. Прошу тебя, не плачь! Ты еще найдешь твоего сына! Но ты не моя мать. У нее другое лицо и на щеке синие черточки.

Медленно приблизился старый жрец в высоком колпаке.

- Этот мальчик послан тебе самим богом Ваалом, - сказал он. - Это твой сын. Великое чудо случилось в этом храме.

- Но мой сын похищен шесть лет назад - значит, он должен быть гораздо старше этого мальчика.

- Глупости ты говоришь, неразумная женщина! Бог Хаммон похитил его и держал на облаках. Это время пролетело, как один вздох, и твой сын не мог измениться. Это говорю я, кохен* Эшмуназар, а кохены никогда не ошибаются. Говори, мальчик, ведь тебя зовут Харух?

---

* К о х е н - жрец, священник.

Я раздумывал, что мне ответить, так как вся моя забота была спасти товарищей на корабле.

- Не знаю, - ответил я. - Я несу записку от Софэра, лекаря из Вавилона. Он мне сказал: "Ты пойдешь в город к мудрому хохому Сунханиафону и отдашь ему мое письмо с приветом". Я спросил Софэра: "А где живет этот мудрец?" Софэр-рафа ответил: "Не беспокойся. В Карфагене всякий проведет тебя к нему".

- Разумеется! - воскликнул кохен. - Кто же не знает Сунханиафона, мудрейшего из мудрейших? Он понимает язык птиц и читает по звездам судьбу человека.

- Но как же мне найти его?

- Мы передадим письмо. А сейчас мы должны созвать народ и рассказать ему о великом чуде, как мальчик в один день перенесся по воздуху из далекого Вавилона в Карфаген...

- Но я никогда не был в Вавилоне! - опять прервал я старика. - Это мой учитель Софэр прибыл из Вавилона.

- Молчи, если тебя не спрашивают! Старшие лучше тебя понимают. Как зовут тебя?

- Элисар.

- Я ведь сказал уже тебе, что твое имя отныне будет Харух.

Жрец подошел к дереву и потряс его. Зазвенели бронзовые колокольчики в виде голубей, висевшие на ветвях. Из храма вышли два заспанных чернокожих раба.

- Бали и Мхенд, принесите сюда носилки, сейчас мы пойдём к правителю города.

Эмашторет с удивлением отшатнулась от меня:

- Мальчик, неужели ты будешь говорить неправду, что прилетел из Вавилона? Ведь это ложь!

- Что ты здесь путаешься! - закричал на нее жрец. - О неразумная, беспокойная женщина! Я сам своими глазами видел, как по небу летела золотая колесница, запряженная огненными конями, и спустилась здесь в сад, опалив листья деревьев. Из колесницы вышел этот мальчик с письмом в руке. Я сам это видел, кохен Эшмуназар, а кохены никогда не ошибаются...

Чернокожие подошли с носилками, разукрашенными бахромой и бубенчиками, и опустили их на землю. Жрец Эшмуназар приказал мне лечь на эти носилки. Мне было стыдно перед женщиной, похожей на мою мать. Она стояла в стороне, прижав руки к груди. Вероятно, она считала меня постыдным лгуном. Но я был не виновен! Мне нужно было только поскорее увидеть мудрого Сунханиафона.

Чернокожие подняли носилки и пошли по дорожке сада. Впереди шел раб с шестом, на конце которого был подвешен на цепочке горящий светильник, позади - два музыканта. Один свистел на флейте, другой ударял в бубен.

Кохен шел сзади носилок, закутанный в белый плащ с черными полосами.

4. УЧЕНЫЙ СУНХАНИАФОН

Мы двигались по пустынным узким улицам, подымались по крутым лестницам, проходили мимо закрытых лавок. Я видел высокие каменные дома со множеством окон. Флейта звонко свистела, бубен гудел.

Отовсюду, из окон и дверей, выглядывали люди и спрашивали:

- Кто едет?

- Посол из далекого Вавилона, - отвечали носильщики.

Внутри города была стена, сложенная из больших, ровно отесанных камней. Несколько воинов нас окружили, но, узнав кохена, пропустили с восклицаниями:

- Помолись, праведный кохен, о нас, защитниках города!

Пройдя несколько улиц, мы остановились около длинного дома с плоской крышей, украшенной статуями и стеклянными шарами.

Кохен схватил меня за руку крючковатыми пальцами, и мы стали подыматься по каменной лестнице.

Над одной из дверей горел светильник. Кохен постучал, толкнул дверь, и мы вошли в маленькую комнату. Она была затянута большим ковром. Посредине на корточках сидел маленький, очень тощий человек, на голове его не было ни одного волоса: она походила на страусовое яйцо. Он читал развернутый свиток. Возле него на ковре было разложено много папирусов. На некоторых были рисунки зверей, ящериц и червяков.

- Привет тебе, Сунханиафон! - прошептал кохен.

Сидевший не ответил и продолжал читать свиток.

- Я пришел по важному делу к тебе, светило мудрости, - продолжал кохен. - Я привел к тебе мальчика, который прилетел по небу в огненной колеснице.

Сунханиафон повернул голову и смерил нас взглядом:

- Вероятно, у тебя мало дохода от богомольцев, и ты от жадности видишь то, чего нет, - ответил он и снова стал читать свиток.

Тогда я воскликнул:

- Софэр-рафа многоязычный тебе посылает письмо!

Ученый сразу встал.

- Я знал в Вавилоне мудрого человека, которого звали Софэр-рафа! Неужели он жив? Он собирался ехать к скифам. Где он теперь?

- Он сидит здесь в гавани, голодный, без хлеба. Его не пускают на берег и завтра продадут на базаре, как овцу.

Сунханиафон взял от меня свернутый папирус, развернул его, расправил на колене и, опустившись на ковер, стал читать. Потом посмотрел на меня и сказал:

- Подыми полу одежды твоей и утри нос и глаза. Недостойно будущему мудрецу или воину проливать слезы.

Ученый еще раз прочел письмо и свернул в трубку.

- Спасибо тебе, почтенный служитель храма, что ты позаботился и об отроке и о судьбе моего друга, мудреца из далекого Вавилона. Если тебе нужна моя помощь, то говори. А на огненных колесницах, как некоторые говорят, боги летали тысячу лет назад. Но так как теперь боги не хотят показываться людям, сколько мы их ни просим, то ты лучше всем говори, что видел колесницу во сне, а не на небе, где теперь летают одни птицы. Мальчик, пойдем со мной.

Сунханиафон завернулся в плащ и повел меня внутрь дома. По витой лестнице мы поднялись на крышу.

Несколько человек сидели полукругом на красивых скамьях с изогнутыми ножками. На высокой бронзовой подставке горел светильник, сделанный в виде голубя, и от огня шел приятный аромат. Сунханиафон подошел к одному из сидевших, украшенному золотыми браслетами и ожерельем.

- Высокоцитимый шофет!* Я слышал, что ты хочешь послать корабли в такие земли, где можно обменивать на золото товары нашего великого города. Позволь присоединиться к твоей эскадре светилу мудрости из далекого Вавилона, хохому Софэру-рафа. Он объехал все земли, был на далеком севере, где народы живут под вечно падающим снегом, и был на горячем юге, где звероподобные карлики, покрытые шерстью, устраивают свои дома в гнездах птиц.

---

* В Карфагене было два шофета: главный правитель города и правитель республики.

- Но где же этот мудрец из Вавилона? Приведи его сюда, я бы хотел послушать его речи.

- Он не может к тебе прийти. Корабль, на котором он прибыл в нашу гавань, захватили твои стражники и никого не выпускают на берег, а мудреца они хотят продать в рабство.

Тогда один из сидевших вскочил, и в нем я узнал того человека, который в гавани приказал задержать наш корабль.

- Это совсем не так, - сказал он, - я объясню тебе, как это было. Мне донесли, что прибыл пиратский корабль, пострадавший от бури. Я приказал захватить его, а над всеми пиратами сделать скорый суд и одних казнить, а других послать на мельницу вертеть жернова. Корабль хорошо построен и пригодится нашим корабельщикам.

Шофет вспыхнул и затопал ногами:

- Ты плохо понимаешь мои приказания, начальник гавани! Да обезобразит Мелькарт твое лживое лицо! Ты рад продать в рабство мирных путников и даже ученого лекаря, который мог бы лечить наших моряков. Ведь наши пираты нам полезны, когда они грабят не нас, а хитрых греков и высокомерных египтян. Тотчас же отправляйся в гавань и освободи всех, кого ты самовольно взял под стражу. Торопись сделать это, иначе я не стану ждать гнева Мелькарта, а своей рукой обезобразю твое лицо.

Начальник гавани поклонился, коснувшись рукою ковра.

- Твое приказание будет исполнено, - сказал он и поспешно ушел.

Кажется, я запрыгал от радости, потому что шофет посмотрел на меня с удивлением и сказал:

- А ты, прыгун, чему радуешься?

- Я рад, что Софэр-бобо поедет вместе с твоими кораблями и мы попадем в страну Канар, где вместо земли золотой песок.

- Где же лежит такая страна Канар? Я никогда не слышал о ней. Что ты о ней знаешь?

Тогда я рассказал все о моем отце, о записке от него, выцарапанной на медной пластинке, и о том, что Софэр взял меня с собой и хочет разыскать страну Канар.

- Вот куда надо послать наши корабли! - заговорили сидевшие. - Если в той стране слугою царя сделался отец этого мальчика - наш сидонец, бени-Анат, то он нам поможет завоевать эту страну. Мы продадим мужчин в рабство, отберем все золото, а земли поделим между нашими переселенцами.

Тут начались разговоры и споры.

Я слушал их, и глаза мои закрывались от усталости. Поэтому я обрадовался, когда Сунханиафон приказал мне идти за ним.

Когда мы оказались в комнате мудреца, он позвал слугу и приказал приготовить мне постель. Я лег в углу комнаты на пушистом мехе барана. Под головой у меня была мягкая подушка, набитая шерстью. Пол стал раскачиваться. Мне казалось, что волны плещут кругом, и я погрузился в крепкий сон.

5. НА УРОКЕ

Утром я проснулся от щекотания в носу. Я стал чихать до тех пор, пока из носу не вылетело куриное перышко. Я протер глаза и увидел, что в комнате на ковре сидели несколько мальчиков и каждый из них держал небольшую доску и заостренную палочку для письма. Они смеялись, глядя на меня, и я понял, что это была их шутка.

В комнату вошел Сунханиафон. В руках он держал свиток и длинную камышовую трость. Он уселся против мальчиков, ударил тростью по голове одного, который посмеивался. Все затихли и опустили глаза.

- Раскройте ваши уши и внимайте словам наставника, - начал он. - Вы будете сейчас писать о происхождении мира и до тех пор не встанете с места, пока каждый не скажет мне наизусть всего записанного, не глядя на доску.

Мальчики уселись поудобнее и приготовились писать.

- А ты можешь ли писать? - обратился ко мне Сунханиафон. - Можешь? Тебя научил Софэр-рафа? Очень хорошо! Тогда сядь рядом с ними и пиши. Вот тебе доска, натертая воском, а вот заостренный стиль (палочка).

Сунханиафон начал говорить медленно, нараспев:

- "По мнению мудрецов древности, началом всего живого на земле и на небе был воздух, мрачный и подобный ветру..."

Долго он диктовал. Мы устали писать.

Окончив диктовку, Сунханиафон остановился и начал проверять доски учеников. У кого он находил ошибки, того ударял по голове тростью.

В комнату вошел Софэр. Сунханиафон поспешно поднялся и пошел ему навстречу. Они обнялись, положив друг другу голову на плечо. Затем Сунханиафон сказал мальчикам:

- Слушайте, мои ученики. Большая радость жаждущему путнику найти в пустыне чистый ключ воды. Такая же радость - увидеть старого друга, которого он не видал много лет. На сегодня вы свободны. Идите домой. Завтра утром приходите, и мы будем вместе беседовать о том, как произошел мир. Возьмите с собой этого мальчика и покажите ему красоты нашего города. А на эту штучку, мальчик, ты купишь себе сладостей. - И мудрец дал мне квадратный кусочек серебра.

Софэр разрешил мне пойти назад на корабль. Один мальчик вызвался пойти вместе со мной. Его звали Аби. Мы взялись за руки и пошли смотреть город.

Аби вел меня по узким улицам базара, где были бесчисленные лавочки. В них торговали всем, чем угодно: янтарем, нанизанным на нитки, цветными камнями, раковинами, свежей и соленой рыбой и тканями всех цветов. В маленьких лавчонках, величиною с ящик, сидели на пятках купцы и торговали сладостями.

Мы подошли к продавцу фиников. Они слиплись, как тесто, и лежали на одном конце доски. Купец сидел на другом конце и отдирали покупателям пальцами куски большей или меньшей величины, смотря по плате.

За мое серебро мы получили большой кусок слипшихся фиников и еще несколько яблок.

Возле бань мальчики звенели в колокольчики и зазывали прохожих. Пекари выставляли лотки со свежими лепешками, поставленными ребром. Рядом продавали на глиняных блюдах вареных улиток, посыпанных тмином.

Мы прошли на рынок невольников. На площади сидели на циновках рабы всех цветов. Тут были сильные мужчины, женщины и маленькие дети. Возле каждой группы стояли продавцы и выкрикивали достоинства своих рабов:

- Сильный молодой раб! Умеет лепить посуду и ковать ножи! Будет полезен каждому хозяину!

- Ученый сапожник, быстро шьет сандалии! Кто его купит, тот может больше не заботиться о хлебе для себя - его раб столько изготовит сандалий, что один прокормит целую семью хозяина.

Мы проходили мимо эфиопов, ливийцев, берберов и других рабов из разных стран. Все они были украшены цветными лентами, чтобы привлекать покупателей. Аби спрашивал всех:

- Кто из вас родом из страны Канар? Не слышал ли кто о стране Канар?

Рабы нехотя отвечали:

- Блаженны люди той страны Канар. Купцы еще о них не знают, поэтому канарцы не попали на этот рынок слез.

Но один человек сказал:

- Я знаю, где страна Канар. - Это был высокий бронзовый человек, сильный на вид, с правильным красивым лицом. У него были волнистые, с проседью волосы. - Подойди ко мне, мальчик. Если ты мне дашь фиников, которые у тебя в руке, то я тебе скажу, где Канар.

Он поднял ладонь и, перебирая пальцы, стал объяснять:

- Вот этот палец - столбы Мелькарта, этот палец - люди Бергуата, дальше, если ехать

берегом моря, - люди Ха-Ха, дальше - люди Канар.

- А долго ли туда плыть?

- Фью! - Человек посвистал и показал на небо. - Ветер парус надувает, парус тащит корабль, и он идет все дальше и дальше. А потом будет день, и корабль придет в мой дорогой, мой красивый, как солнце, мой родной Канар.

Мы дали этому человеку все наши финики. К нам подбежал владелец этого раба и, замахиваясь палкой, стал кричать:

- Что вам здесь нужно, щенки? Целый день по базару ходят люди и спрашивают, где Канар. Это не к добру... Ступай-ка за мной отсюда! закричал он на своего раба, и оба быстро скрылись в толпе.

Мы с Аби пошли к нашему кораблю рассказать Софэру о том, что узнали о стране Канар.

Когда мы пришли в гавань, то увидели, что "Кокаб-Цафон" вытасчен на берег и стоит на подпорках. Несколько рабочих чинили его и конопатили щели. Бен-Кадех ходил вокруг корабля, трогал стенки, постукивал молотком и говорил:

- Мы скоро уйдем в просторы Внешнего моря*. Смотри, Элисар, как стараются рабочие, чтобы корабль как можно скорее был готов для борьбы с бурями. Плыть по Внешнему морю - это не то, что здесь, во Внутреннем море**. Там волны громадны, как горы.

---

* Внешнее море - Атлантический океан.

** Внутреннее море - Средиземное море.

Я прыгал от радости, что мы поедем дальше, в диковинные страны.

6. СОВЕЩАНИЕ КОРМЧИХ

Прошло еще два дня. Наш корабль "Кокаб-Цафон" был уже спущен на воду, готовый отправиться в путь.

Бен-Кадех сказал мне:

- Смотри, как теперь переделан корабль: он весь покрыт палубой, от носа до кормы, как черепаха броней. В бортах прорези для весел могут быть наглухо закрыты ставнями. Два рулевых весла имеют гнезда и крепко прихвачены ремнями. Теперь кораблю не страшны волны Внешнего моря. Даже если они будут перекашиваться через палубу, корабль будет прыгать на гребнях, как утка.

В этот день на нашем корабле началась суматоха. Пришло более ста человек, которые захотели ехать в страну Канар. Одни были худые, истощенные, в рваных одеждах, другие - хорошо одетые, со многими дорожными вещами. Все они расположились внутри корабля, под палубой. Мулы привезли связки копий и мечей и кожаные мешки с металлическими панцирями. Круглые щиты из толстой кожи, украшенные медными бляхами, были прикреплены снаружи корабля.

Пришла вереница верблюдов; с них были сгружены вьюки с мукой, зерном, сушеными плодами и соленой рыбой. Было погружено также несколько мехов с вином. Все это поглотил трюм нашего корабля.

В этот день к вечеру Софэр и Бен-Кадех пошли на соседний корабль, недавно прибывший в гавань. Он был значительно больше и наряднее других, и паруса его были из красных и черных квадратов.

Все говорили, что на этом корабле приехал с востока какой-то знатный и богатый князь. На палубе этого корабля было назначено собрание кормчих всех кораблей, которые поплывут в страну Канар.

Я стоял рядом с Софэром и видел, как по мосткам входили на корабль суровые люди, завернутые в пестрые, полосатые и лиловые плащи. У кормчих на шее были ожерелья из янтаря, раковин и розовых кораллов. На голых руках синей краской были нарисованы

звезды и морские чудовища. Некоторые жевали красные листья, и казалось, что они сплевывали кровь.

Моряки уселись в круг на пестрых египетских коврах.

Пришел также начальник гавани, и сзади него шел Меремот. Он, видимо, стал любимцем начальника гавани, так как ходил за ним, как собака, нес за ним изогнутое тирское кресло и то и дело целовал край его одежды.

Начальник гавани сел в кресло и обратился к морякам:

- Храбрые пахари моря! Вы избороздили вашими кораблями все воды, обтекающие равнины земли. Теперь, по приказанию шофетов и совета рабби, вам предстоит с сорока кораблями поехать в неведомую нам страну Канар, лежащую за хребтом Атласа*. Там надо основать новое поселение наших мужей. Начальником всей эскадры будет славный друг нашего города, карийский князь Илла-Цар - да живет он невредимо и процветает десять раз десять лет! Сейчас лихорадка мучит его, и он не может прийти на совещание, но свежий морской ветер прогонит все его болезни. Жрецы во всех храмах уже совершают молитвы и будут каждый день приносить в жертву голубей и баранов, чтобы счастливым было ваше плавание.

---

* Название "Атлантический океан" произошло от определения моря, лежащего за хребтом Атласа (или Атланта).

Кормчие загудели, переговариваясь друг с другом.

Встал один, хромой и однорукий; обрубок правой руки был обвязан на конце красной тканью, охваченной золотым браслетом.

- Я не был в стране Канар, но знаю, где она лежит. Чтобы попасть туда, надо бороться с бурями, избегать подводных камней и уметь управлять кораблями в неведомых водах. Проехать до страны Канар может только очень опытный моряк, а повести целую эскадру сумеет только лучший из лучших. Почему от нас прячется князь карийский? Покажите нам его. Может быть, этот князь всю жизнь только лежал на ковре и воду видал только в бассейне своего фонтана? Мне говорили, что этот князь послал совету рабби десять кувшинов золота, чтобы они назначили его царем страны Канар. Хорошо, мы отвезем его в страну Канар, и пусть он там царствует себе на славу, но не следует сухопутному князю начальствовать над морскими акулами!

- Верно, верно! - закричали все. - Пусть князь карийский покажется нам. Мы сами решим, согласны ли мы, чтобы он повел наши корабли по грозному Внешнему морю. Зачем он спрятался, как крыса в трюме? Пусть выйдет к нам!

Тогда по лестнице на палубу поднялся высокий человек. До самых глаз он был закутан в красный шерстяной плащ. Голова была обмотана дорогой желтой шалью, затканной золотыми цветами.

- Вы хотели меня видеть? - сказал он. - Я здесь. О чем вы хотите меня спросить? - Он распахнул плащ и стоял, обводя мрачным взглядом всех сидевших.

- Лала-Зор! - воскликнуло несколько голосов.

- Да, я Лала-Зор и думаю, что никто не скажет, что я не умею плавать по морю и управлять кораблями. Мои молодцы наделали много всяких дел: и хороших и плохих, - а теперь они хотят приняться за новую работу. Я присоединяюсь к вашей эскадре с моими двадцатью кораблями. Всего поплывет шестьдесят кораблей. Сегодня должны быть погружены последние припасы. Каждый корабль получит вперед жалованье и еду для моряков на шестьдесят дней. - Говоря, Лала-Зор несколько раз смотрел в нашу сторону, и в его глазах искрились мрачные огоньки. - Мы отправляемся завтра с утренней звездой. Помните, что в море начальник - я. Кто посмеет ослушаться моих приказаний, будет вздернут на мачту!

Лала-Зор завернулся в плащ и медленно спустился вниз, в свою каюту.

Все кормчие направились к своим кораблям.

- Лала-Зор море знает, - говорили они. - Если он захочет, то проведет нас до ворот подземного царства и невредимыми доставит обратно.

Но другие кормчие покачивали головой и шептали:

- Можно ли верить этому человеку? Он способен нас всех продать в рабство...

Вскоре к нам на корабль пришел Меремот. За ним два рослых молодца Лала-Зора тащили мешки и оружие. Они сказали, что по приказанию начальника эскадры Меремот поплывет на нашем корабле и поместится в той каюте под мостиком, которая раньше принадлежала управляющему Маллуху.

Бен-Кадех посвистывал и усмехался:

- Посмотрим, куда мы теперь доплывем с таким начальником.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

"НАС ТРЕПАЛИ СМЕРТИ..."

1. СТОЛБЫ МЕЛЬКАРТА СДВИНУЛИСЬ

Утром все корабли при криках и песнях моряков вышли из гавани в море. Бен-Кадех стоял на мостике и отдавал приказания. Гребцов теперь не было видно - они были скрыты палубой.

Мы шли на веслах, пока не обогнули мыс с высоким маяком, потом попутный ветер понес всю эскадру в сторону столбов Мелькарта.

Мимо нас потянулись цветущие, плодородные берега Африки, где виднелись то золотые поля пшеницы, то серо-зеленые рощи маслин, то темные квадраты виноградников. За ними вдали подымались туманные горные хребты.

К заходу солнца все корабли пристали к берегу тихой бухты, защищенной от ветра скалами. Здесь впадала в море река, и все корабли набрали в кожаные мехи свежей воды. Корабли стояли на якорях вблизи берега. Желавшие сойти на берег поднимали платье на плечи и брели по пояс в воде.

Когда загорелись костры, на которых корабельщики варили рыбу, подъехали всадники на красивых конях. Они соскочили с коней и оставили их стоять непривязанными, но кони не сходили с места. Люди эти назывались нумидийцами. У них - курчавые волосы, в которые воткнуты большие орлиные перья. Некоторые из сидевших у костров молодцов Лала-Зора тихо сказали другим:

- Давайте поймаем этих черных обезьян и посадим на весла грести вместо себя.

Они бросились на нумидийцев, желая схватить их, но те отчаянно закричали и побежали прочь. Они засвистели, кони сами подбежали к ним. Нумидийцы вскочили на них и ускакали. Но все-таки два нумидийца были пойманы, связаны и отведены на корабль.

Бен-Кадех спросил:

- Чем вы будете кормить этих людей? У нас еды мало, а путь очень длинен.

- Мы их совсем не будем кормить! - захохотал Меремот. - Если они подохнут, мы их выбросим в море. На их место мы поймаем новых. Вот нашел кого жалеть!

- Теперь другим корабельщикам нельзя будет останавливаться в этой бухте, - говорили корабельщики. - Жители озлобятся и постараются отомстить неповинным путникам.

Десять дней плыли корабли, приставая на ночь к берегу. В яркие лунные ночи корабли продолжали плыть без остановки. Мы могли бы доплыть до столбов Мелькарта, как обычно, в семь дней, если бы только ветер был нам благоприятен.

На одиннадцатый день вдали зачернела высокая скала. Это угрюмая каменная громада с отвесными стенами дремлет над самым морем. Из всех ее щелей поднимались кактусы и алоэ, и целые потоки зеленых растений повисли цепями, покачиваясь от порывов ветра.

За скалой на север раскинулись цветущие, залитые солнцем берега счастливой

Иберии* с зелеными рощами и лугами, на которых паслись стада быков и овец. К югу, за широким проливом, поднимались розовато-желтые скалы и холмы Африки. Говорят, что раньше Иберия и Африка были соединены перешейком, но бог Мелькарт раздвинул берега и соединил проливом Внешнее и Внутреннее моря.

---

* И б е р и е й в то время называлась Испания.

Как только передние корабли прошли мимо мрачной, темной скалы, они стали кивать носами, точно совершали моления богам. Внешнее море встретило нас грозными валами и стало бросать корабли, то поднимая их на гребни громадных волн, то погружая в бездну между прозрачными горами зеленой воды. На всех кораблях моряки забегали, укрепляя паруса. Ветер звонко гудел в снастях, стал срывать морскую пену с гребней и швырять ее на палубу.

Головной корабль Лала-Зора подошел ближе к африканскому берегу. Здесь тянулись голые отроги величественного хребта Атласа, береговая равнина была пустынна, лишена деревьев.

Один из путников указал на высокую гору с отвесными стенами. Трещины и расселины казались черными на залитой солнцем скале и напоминали непонятную древнюю надпись.

- Глядите на эти большие буквы, написанные на скалах, - говорили путники. - Сам бог Мелькарт мечом вырубил их, запрещая людям двигаться дальше этого места. Но разве что-нибудь может остановить сидонца? Он ничего не боится.

Я оглянулся назад, в ту сторону, где оставались Внутреннее море и путь на мою родину. Чем дальше плыл наш корабль, тем теснее сходились столбы Мелькарта и наконец слились в одну серую линию далекого берега.

А впереди катились валы, один выше другого, и берега Африки медленно уходили назад. Кое-где показывалась одинокая деревушка. Из круглых, как улы, убогих шалашей на отмели выбегали голые чернокожие люди и смотрели на растянувшуюся вереницу наших кораблей.

2. НОВЫЙ ПРИЯТЕЛЬ

Я люблю море и плаваю, как пробка. Сам Гамалиель говорил, что я плаваю почти так же ловко, как он. Меня не пугают волны, я боюсь только громадных зубастых акул.

Все путники расположились внутри корабля, под палубой, я же нашел себе место на носу корабля, на площадке около бронзовой рыбки, которая вертится на длинном стержне и показывает, куда дует ветер. На площадке лежали свернутые кольцом канаты. Когда волны хлестали в борт корабля и обдавали брызгами палубу, я забирался в щель под площадкой и оттуда смотрел, как путники, облитые водой, поспешно убегали вниз через люк.

Внизу под палубой теснилось более ста человек; каждый на своем месте разложил мешки, кувшины и другие вещи, а некоторые только разостлали порванные плащи. Первые дни все друг с другом ладили, пели песни, играли в кости, а больше всего спали.

В тихую погоду Софэр сидел наверху около меня между канатами, смотрел на морскую синюю даль и рассказывал о своих путешествиях по далеким странам. Но как только ветер начинал качать корабль, Софэр спешил вниз и звал меня с собой.

В трюмах ехали бедняки. У них не было ничего за душой. Они хотели в новой стране найти землю, построить хижину и посеять хлеб. Были там и купцы с белыми пухлыми руками. Они везли с собой много мешков и все время рассуждали и спорили о том, как похитрее продать товары диким племенам, как выменять у них на дешевые колокольчики, бусы и побрякушки золотые браслеты и ожерелья.

Ссора между путниками началась из-за того, кому из них грести. Бен-Кадех всех без исключения разделил на три смены, которые по первому окрику должны были браться за весла. Купцы громко ворчали, что они не умеют грести, что у них нежные руки. "Наш великий

город, - говорили они, не может жить без купцов. Разве не купцы принесли ему все его богатства? Поэтому нельзя купцов обременять тяжелой работой". Во время гребли они задыхались, пыхтели, путали весла и задевали за соседние. Некоторые нанимали бедняков, чтобы те гребли вместо них.

Тут Меремот стал разжигать ссору и подстрекать всех купцов. Он переходил от одной кучки купцов к другой и нашептывал им:

- Этот кормчий Бен-Кадех вмешивается не в свои дела. Сам бог Ваал приказал, и это написано в древних книгах: "Купцы пусть торгуют, а оборванцы пусть работают". Для них это дело привычное, и платить им за это нечего. Довольно и того, что их кормят.

Беднякам же он шептал другое:

- Вам не для чего грести. Нужно наловить рабов и посадить их за весла. Это кормчий Бен-Кадех вас принуждает исполнять тяжелую работу.

Бедняки отвечали:

- Кормчего ругать не за что. Море его просолило, и ветер его высушил. С ним нигде не пропадешь. Мы согласны грести, только бы нас получше кормили - тогда и сил у нас будет больше.

Раз я забрался в свою нору на носу корабля. Ветер срывал пенившиеся верхушки гребней, брызги били в лицо.

В это время ко мне под канаты стал пробираться юноша, один из "оборванцев", как их называл Меремот.

- Э, да ты здесь, маленький Софэренок! - сказал он. - Найдется ли здесь место и для меня?

Юноша растянулся около меня, вынул две луковицы и одну сунул мне. Затем он достал высохшую, заплесневелую лепешку, разломил ее и дал мне половину. Так началась наша дружба.

- Меня зовут Бигвай, и мне шестнадцать лет. В нашем городе я служил у хлебника. Мне надоело целый день месить тесто, затем головой лезть в горячую печку, чтобы наклеить по всей стенке лепешки. Я хочу повидать высокие горы и степи, где львы гоняются за жирафами, а то жизнь пройдет, и я ничего не увижу.

- А ты сам кто такой? - спросил я. - Наш, бени-Анат, или другого племени? У тебя кожа слишком смугла.

- Я не знаю, кто я. Мать моя - берберка, отец - из Египта. Я родился в пути на греческом корабле, он затем разбился о скалы около Кирены. Оттуда моя мать попала в город Утику. Тогда мне было десять лет. Там меня украли морские разбойники и продали в Египет. Год назад я забрался на уходивший корабль и приплыл в Карт-Хадашт. Я знаю несколько языков, а кто я - не все ли равно? Я просто Бигвай и всегда весел, сыт ли я или голоден.

- А скажи мне, Бигвай, когда тебе было десять лет, не звался ли ты по-иному и не было ли у твоей матери имени Эмашторет?

Бигвай затрепетал:

- Откуда ты это знаешь? Да, это так было. Тогда меня звали Харух. Но разбойники после кражи детей всегда им дают новые имена, чтобы потом труднее было их разыскать.

Я рассказал о встрече с Эмашторет в храме Ваала, где бедная женщина молилась о возвращении сына.

Бигвай обнял меня:

- Какую радость ты принес мне сегодня, мальчик Эли! Теперь я знаю, где искать мою мать. Я вернусь из страны Канар обратно в Карт-Хадашт, найду Эмашторет и осушу слезы на лице ее. А с тобой мы будем друзьями, Эли. Я буду защищать тебя. Я знаю, что против твоего старика готовится очень дурное дело.

Потом он понизил голос и с таинственным видом спросил:

- Правда ли, что твой дед умеет делать золото? Неужели нет? А этот подлый червяк Меремот всем говорит, что твой старый Софэр очень жаден, имеет много золота, а никому не хочет объяснить, как он его делает. Поэтому ты берегись Меремота: он вам готовит какую-то гадкую штуку.

Бигвай не лгал. При первой остановке на наш корабль перебралось несколько молодцов Лала-Зора. В это время Софэр и я сидели на палубе и смотрели на пустынный берег, где над зарослями носились тысячи уток. Одноглазый великан - пират Махарбал, с которым когда-то я танцевал "газлоним", подошел к Софэру.

- Ну, старик, довольно здесь валяться! Спускайся вниз, в трюм, и забирай с собой своего щенка.

Софэр спросил:

- Ты исполняешь приказание пославшего тебя или сам, своим умом решил держать нас в трюме?

- Так ты еще разговариваешь? - грубо закричал великан, схватил Софэра за плечо и потащил к люку. - Если я говорю, значит, так надо делать. Сам Лала-Зор приказал не спускать глаз с вас обоих и держать в трюме.

С этого дня ни мне, ни Софэру не приходилось больше выходить на палубу. Я стоял обычно около прорези для весел в борту и сквозь нее глядел на берега Африки. Софэр бранился, но что мог он поделывать, старый и слабый?

- Доеду ли я до этой страны? Увижу ли Счастливые острова? - вздыхал он. - Или раньше эти люди, которых влечет к преступлению, погубят мою седую голову и выбросят меня в море?

Бигвай мне рассказывал каждый день, что делалось во время остановок. Через четыре дня пути после столбов Мелькарта мы прибыли в укрепленный стенами поселок Тхимпатирий; его устроили наши сидонцы. Целая толпа их выбежала на берег встречать наши корабли. Остановка здесь была короткая, так как ветер дул попутный. Здесь набрали свежей воды в кожаные мехи и накупили плодов и хлеба.

Следующее поселение было Солеис, при впадении в море большой реки. Оно было тоже окружено крепкими высокими стенами. Вдали я видел горы, покрытые густыми лесами. Отсюда несколько кораблей поднялись на веслах вверх по реке и прибыли в озеро, которое густо заросло тростниками; там водились дикие слоны, кабаны и другие животные, но охотникам не удалось сойти на берег. В камышах прятались люди, одетые в шкуры зверей. Они стреляли в корабли из луков отравленными стрелами; несколько наших охотников было ранено; вскоре они умерли.

Корабли спустились обратно в море; вся эскадра плыла дальше вдоль берега, пока не прибыла к реке Ликс. По обе ее стороны тянулись зеленые луга с высокой травой. На них паслись стада быков и овец, принадлежащих ликситам.

Ликситы - кочевники. Они живут в переносных черных шатрах, сделанных из шерсти. Говорят они на языке, похожем на берберский.

Бигвай рассказал мне, что ликситы дружески встретили наших моряков и в обмен на привезенные товары отдали много быков и баранов. По словам ликситов, дальше за ними, в горах, живет народ дикого вида, ест сырое мясо и бегают быстрее лошади.

Во время одной стоянки на кораблях произошел раскол: почти половина ехавших заявила, что хочет остаться здесь и устроить новое поселение. Сами ликситы уговаривали их поселиться здесь, обещая уступить хорошие земли и дать часть своего скота. Лала-Зор сердился и требовал, чтобы все вернулись обратно на корабли и ехали с ним дальше, а высадившиеся кричали:

- На кораблях мы уже стали рабами Лала-Зора! Он всюду поставил своих надсмотрщиков. Пускай едут дальше те, кому хочется испытать сладость его плетей!

С одного корабля перенесли на берег большую каменную статую богини Таниты Астарты и поставили ее на бугре. Здесь будет основан городок. Все весело, с песнями стали строить из камня, хвороста и земли шалаши для жилья и окружать их валом. Для высадившихся поселенцев были оставлены часть оружия и съестных припасов и два корабля.

Наша эскадра двинулась дальше мимо племени Ха-Ха. Не раз мы останавливались в устьях рек, заросших камышами, где виднелись стаи крокодилов. Как серые неподвижные бревна, лежали они на отмелях, и белые хохлатые цапли сидели на их спинах.

Я видел громадных гиппопотамов, которые большую часть дня проводят в воде.

Берега были топкие, и человек не мог ступить на них, так как проваливался с головою. Только толстые, жирные ящерицы ползали по этому илу и искали червей.

3. СТРАНА КАНАР

Через два дня пути мы прибыли к берегам широкой равнины, постепенно переходившей в горы. Она казалась совершенно пустынной. Днем на ней не было видно ни одного человека, но ночью на горах вспыхивали многочисленные огни. Они то потухали, то снова загорались. Из зарослей, разбросанных по степи, доносились звуки флейт и неясный гул. Все решили, что в зарослях скрываются многочисленные воины и огнями подают друг другу знаки.

Как объясняли ехавшие с нами переводчики-ликситы, здесь уже начиналась страна Канар. Сорок дней прошло с тех пор, как мы оставили позади себя столбы Мелькарта.

Корабли стояли в бухте, в которую впадала небольшая река. Все суда были поставлены кормом к берегу, а носом в море, чтобы в случае опасности можно было сразу отплыть. В первый же день на берегу вокруг нашей стоянки были выкопаны рвы, насыпаны валы и на них поставлены часовые.

Солнце жгло равнину. Иногда вдаль показывались стада диких коз. То они мирно бродили, пощипывая траву, то испуганно неслись вскачь, делая громадные прыжки и оставляя за собой облака пыли. На расстоянии двух стадий* начинался лес. Ночью оттуда доносились переливы флейты, удары бубнов. Несколько раз слышалось могучее рыкание львов.

---

* С т а д и й - древнегреческая мера длины, от 150 до 190 м (Stadion - греч.).

Утром к лесу направился отряд наших моряков. Все громко пели песни и шли с беззаботным, веселым видом. Ни у кого не было ни копий, ни щитов, но каждый спрятал под одеждой меч. На плечах они несли корзины с вещами, которые любят дикие народы. На опушке леса они сложили все вещи на землю, сверху оставили папирус с такими словами:

"Мы - сидонцы, приехали, чтобы меняться с вами товарами. Если у вас есть кто-нибудь, умеющий говорить по-сидонски или на языке ликситов, пусть выйдет к нам и нас не боится. Мы хотим заключить с вами дружбу".

С пением песен наши моряки возвратились к кораблям. Ночью опять виднелись сигнальные огни на горах и слышались звуки барабанов и дудок.

На другой день наш отряд снова отправился к лесу. На том же месте, где были оставлены подарки, стояли плетенные из камыша корзины, полные бананов, фиников и других плодов, соты с медом и большие выдолбленные тыквы, наполненные сладким темным напитком.

Моряки принесли все это к кораблям, громко браня канарцев:

- Для чего мы ехали так далеко? Чтобы получить за наши товары и за все муки, которые мы претерпели, какие-то корзины бананов и фиников? Мы их и дома имели. А где же реки, текущие молоком, где берега из золотого песка? Смерть тому, кто обманул нас!

Недовольные пошли к кораблю Лала-Зора и стали требовать, чтобы он показался. Весь путь мы не видали Лала-Зора. Его корабль плыл всегда впереди, с него передавались приказания, но старый пират сидел в плетеной беседке, поставленной на высокой корме корабля, и никто не мог увидеть его. Толпа кричала и шумела. На мостик выскочил Меремот:

- Князь карийский болен - в него вселился злой демон лихорадки. Он не может к вам выйти.

- Ты сам злой демон лихорадки! Подай нам Лала-Зора!

Так как Меремот не уходил, то в него полетели большие раковины и камни.

Лала-Зор вышел на мостик, угрюмый, хромя и опираясь на гарпун.

- Смелые моряки! - сказал он. - Вы совершили путь, на который еще никто не решался. Едва ли кто-нибудь из сидонцев бывал в этих местах. Здесь, в стране Канар, есть золотой песок, плодородные земли и много скота. Все будет вашим, если вы сами, своим копьем возьмете эти богатства. Но нельзя поступать необдуманно. Народ здесь силен, многочислен и неуловим. До сих пор мы не видели ни одного жителя этой страны. Прежде всего достаньте мне несколько канарцев, чтобы мы от них выпытали, где их столица и сколько у них войска.

Один моряк предложил:

- Надо опять отнести подарки и устроить засаду. Когда эти проклятые невидимки выйдут, тут мы их и поймем.

Это всем понравилось: бросили жребий, кому идти в засаду. Около ста человек отправились с подарками к лесу. К ночи вернулось восемьдесят. Двадцать человек залегли в овраге.

Утром оставленные в засаде не вернулись, и на разведку двинулся отряд в двести человек. Они увидели опять плоды вместо оставленных товаров, но их товарищи исчезли. Только на земле были видны следы борьбы и крови. На шесте, воткнутом в землю, висело двадцать лягушек, пронзенных стрелами.

Что стало с двадцатью товарищами? Живы ли они, взяты в плен или убиты? Степь молчала. Бигвай вышел вперед.

- Я знаю обычаи афров и берберов, и я вам объясню, что это значит. Лягушки, пронзенные стрелами, - это означает, что люди, живущие на воде, то есть наши сидонцы, все убиты и что другие, кто придет сюда, тоже будут убиты. Вот сколько стрел воткнуто в землю - это значит, что стрел у них хватит.

Когда отряд вернулся на берег, там поднялись шум и крики. Все опять собрались около корабля Лала-Зора. Он вышел на мостик.

- Мои молодцы подымались на ближайшую гору, они заметили за лесом много дымков. Вероятно, там находится город канарцев. Сегодня подкрепитесь едой, а перед самым рассветом тысяча человек пойдет со мной к этому городу. Канарцы дорого заплатят нам за убитых товарищей, а потом мы захватим их город.

4. "ПУТНИК, НЕ ОБМАНЫВАЙ ЭТИХ ЛЮДЕЙ..."

Перед рассветом Меремот подошел к спящему Софэру, толкнул его ногой и сказал:

- Ну, подымайся, старик, ты пойдешь с нами в столицу Канар.

- Не вступай в пререкания с ослом, если он лягнет тебя, - проговорил спокойно Софэр, привязал сандалии и взял посох.

- Разумеется, я пойду, - обратился он ко мне. - Может быть, я увижу там счастливый город честных людей. Они меняют плоды на товары - не значит ли это, что они не ценят золота и поэтому его не собирают? А ты, Элисар, тоже пойдешь со мной?

Я ждал, что сейчас увижу отца, что он будет свободен и вместе мы вернемся в родное Авали, в нашу старую хижину.

Корабельщики выступали двумя отрядами. Один, под начальством Лала-Зора, шел по

прямому пути к городу, а другой должен был пробраться по долине в обход и напасть на город сзади.

Все шли бодрым ровным шагом, сверкая отточенными копьями. Многие были в панцирях и со щитами.

Только Софэр и я не были вооружены - какую пользу могли бы мы принести в бою?

Когда солнце взошло, мы были уже далеко от берега; пройдя песчаные отмели, мы вступили в степную равнину, усеянную кустами. Эти кусты стали шевелиться и уходить от нас. Чем дальше мы продвигались, тем быстрее отступали кусты и убежали в степь.

Я внимательно вглядывался и замечал в кустах бронзовых стройных людей, которые быстро отходили назад, согнувшись и закрываясь связками ветвей.

Вскоре вдали показались белые стены города и за ними множество домиков, сплетенных из прутьев и обмазанных глиной. Хижины теснились одна над другой по склону холма, и на круглых крышах прыгали остроносые собаки. Шерсть на них стояла дыбом, и они неистово лаяли в нашу сторону. На стенах города не было видно ни одного человека. Ворота были открыты настежь. Моряки ускорили шаги и с криками ворвались в покинутую жителями столицу Канар.

Софэр, держа меня за руку, прихрамывая, медленно шел по городу. Я жадно смотрел по сторонам, желая где-нибудь увидеть человека, похожего на отца. Всюду пробегали наши люди, врываются в хижины, вытаскивали оттуда плетеные коробки и выдолбленные тыквы, высыпали из них одежды, украшения из раковин и кораллов и бежали дальше. Перепуганные куры, хлопая крыльями, носились по улицам.

Только один Софэр оставался невозмутимым и своей старческой ровной походкой шел к середине города. Там мы попали на просторную площадь, где полукругом стояло несколько красивых домов, выстроенных из бревен и камня. Деревянные колонны были покрыты резьбой с разноцветными узорами. Эти дома и резные украшения на крышах напоминали сидонские дома, и я подумал, не здесь ли работал мой отец.

Посредине площади находился каменный склеп, в каких обычно в Сидоне хоронят покойников. Мое сердце забилося, когда я увидел над его входом сидонские буквы. Там стояло: "Путник, если ты сидонец, бени-Анат, то войди в этот склеп и прочти привет от Якира из Авали".

Софэр остановился, прочел надпись, вытер полую своей одежды глаза и посмотрел на меня.

- О мой бен-бен, будь мужественным и приготовься услышать, может быть, очень тяжкую для тебя весть.

Я растворил покрытую резьбой дверь; из склепа пахло прохладой. Мы спустились по ступенькам. Внутри склепа на каменной подставке стоял глиняный гроб. Крышка была разрисована цветами, а в середине ее была начерчена семиконечная звезда в круге, и на каждом конце звезды стояли имена семи планет.

Неужели отец умер и его тело лежит в этом гробу?

Послышался топот шагов на лестнице. В склеп вбежали Меремот и за ним несколько пиратов.

- Наверное, в этом гробу спрятаны сокровища. Дикие варвары всегда хоронят царей со всеми их богатствами. Ломайте!

Пираты разбили крышку мечами. С изумлением и яростью глядели они внутрь.

- Кто-то успел побывать уже здесь до нас. Скорее вперед! Общем дворец! - И все выбежали из склепа.

Я заглянул внутрь гроба - там было пусто. Нет!.. Я увидел маленький глиняный сидонский кораблик-светильник. На нем лежала тонкая медная пластинка. Софэр взял ее. Мы поднялись наверх, и там при ярком свете Софэр прочел:

- "Это пишет Якир, бени Анат родом из Авали, близ Сидона. Если тебе, путник, попадется эта пластинка, то передай другим сидонцам, чтобы они сообщили на родину, что я, Якир, жил три года среди племен Канар... Они просты и добродушны, как овцы, привязчивы, как собаки, но если их обидеть, то становятся опасными, как бешеные быки. Я научил их лить медь и стекло, строгать доски и на круге лепить из глины кувшины. Они меня отпускают на волю, но сделали эту могилу и гроб, чтобы я вернулся сюда в старости и умер у них. Я отправляюсь на родину, где еще надеюсь найти жену, сына и прежних друзей. Мир с тобой, путник!

Не обманывай этих людей - они благодарны тем, кто делает им добро".

Кругом усиливались крики, слышался треск падающих стен. Софэр взял меня за руку:

- Пойдем, бен-бен! Здесь нам больше нечего делать!

По улице бежал Бигвай, за ним рысцой трусил серый ослик.

- Скорей ко мне! Бен-Кадех послал за вами! Немедленно вернемся на корабль - он сейчас уйдет в море, или мы погибнем!

Бигвай подхватил Софэра и усадил его на осла. Мы бегом направились обратно. На ступеньках дома с красивыми колоннами толпились пираты и черпали из больших чанов опьяняющий напиток. Бигвай подгонял осла - мы спешили к берегу. Навстречу нам попадались группы наших товарищей.

- Все ли разграбили? - спрашивали они. - Осталось ли что-нибудь для нас?

- Не ходите туда, - отвечал Бигвай, - возвращайтесь обратно!..

Но товарищи не слушались и как безумные продолжали бежать по городу.

Бен-Кадех стоял на валу и смотрел в нашу сторону:

- Вы прибыли вовремя. Смотрите, кусты опять движутся. Они наступают на нас.

По всей равнине целые заросли кустов быстро передвигались и приближались к нам. Иногда выскакивали из-за кустов люди, раскрашенные белыми и красными полосами, и потрясали длинными копьями.

Все оставшиеся при кораблях товарищи притаились за насыпью, готовые к защите.

Канарцы подступали, толкая перед собой вязанки сухого хвороста, и когда были уже совсем близко, то подожгли его. Высокие языки пламени с треском взвивались, и искры сыпались на тесно стоявшие корабли. Наши воины смело бросались на приближавшихся канарцев, избивали их, но густые ряды бронзовых людей надвигались отовсюду, и их копья с широкими, как листья, лезвиями летели в наших защитников, сбивая их с ног. Камни, пущенные пращами, наносили тяжелые раны и с грохотом ударялись в борта кораблей.

Наконец показались отряды Лала-Зора. Они бежали в беспорядке. Одни нагруженные мешками, другие - побросав оружие, с испуганными лицами, задыхаясь от быстрого бега.

Чтобы лучше видеть, я влез на мачту и забрался на верхушке в бочку. Мимо меня пролетали камни, шуршали оперенные стрелы. Массы канарцев все прибывали. Я заметил вдали Лала-Зора. Он защищался топором, и бронзовые люди падали вокруг него. Товарищи расчистили ему мечами путь. Они добежали наконец до лагеря.

- В море! В море! - раздавался общий крик.

Корабельщики стали отталкивать от берега корабли, и первым отплыл нарядный корабль Лала-Зора.

Все взбирались на корабли, оставшие бросались в воду и вплавь добирались до своих судов. Многие влезли на наш корабль. Среди них был Меремот, испуганный, бледный, дрожащий.

Больше нельзя было медлить. Бен-Кадех перерубил канат, и "Кокаб-Цафон" под ударами весел стал отдаляться от берега.

Так закончился набег Лала-Зора на страну Канар.

5. БЕРЕГА ПРОПАЛИ

Все корабли шли на веслах, стараясь не отдаляться от суши. Толпа канарцев бежала по берегу, следя за нами.

Корабль Лала-Зора был недалеко, и оттуда в трубу нам закричали:

- Подойти ближе, идти рядом!

Но Бен-Кадех приказал:

- Убрать весла! Поднять парус!

Ветер дул от берега в бурное, вспененное море, где ходили громадные валы. Парус надулся, и "Кокаб-Цафон" стал взлетать на гребни валов, уходя в открытое море. Вода перекачивалась через палубу, все попрятались в трюм. Меремот выглянул из люка:

- Что ты делаешь, Бен-Кадех? Разве ты не слышал приказа Лала-Зора?

А Бен-Кадех твердо отвечал:

- Мы плывем вперед, а кому не нравится, может прыгать в воду. Кэдэм! (Вперед!)

На корабле Лала-Зора тоже убрали весла. Он повернулся к нам носом, и два пестрых паруса поднялись на мачтах.

Бен-Кадех оглядывался назад, повторяя одно слово: "Кэдэм!"

Расстояние между кораблями не изменилось. Все другие корабли постепенно терялись в туманной зыби, берег тоже стал сливаться с небом. Впереди был тот беспредельный простор последнего Крайнего* моря, откуда корабли не возвращаются, где конец света и начинается вечная черная мгла.

---

* По представлению древних. Земля напоминала развернутый плащ, окруженный со всех сторон беспредельным морем.

Куда несется Бен-Кадех? Может быть, он предпочитает погибнуть в море, чем попасться в руки молодцов Лала-Зора?

Я спустился вниз и, цепляясь за веревку, протянутую вдоль борта, пробрался на мостик к Бен-Кадеху. Он твердо стоял, держась за перила, и ветер трепал его плащ, потемневший от водяных брызг.

Бен-Кадех глядел вдаль и беспечно напевал:

Три дня, три дня гуляли мы

В ненастную погоду,

Руля, руля не взяли мы,

Когда садились в лодку...

- Бен-Кадех, куда мы плывем?

- Эх, мальчуган, твое лицо так искривилось, точно тебя сейчас высек твой дедушка.

Я старался улыбнуться.

- Долго еще мы будем так плыть вперед?

- Ты, кажется, хочешь, чтобы мы повернули назад и меня рядом с Софэром повесили на мачте? Ступай-ка ты вниз, а то тебя волной снесет в море...

И он опять запел:

Теперь плывем и вкривь и вкось,

Как утки в грязной луже.

Эй, молодец, плыви, не бойсь

Бывало с нами хуже...

Я спустился под палубу. Все сидели и лежали в разных положениях. Масляный светильник, подвешенный посередине, раскачивался во все стороны. Софэр с иглой и ниткой стоял около одного раненого и сшивал ему рассеченное лицо. Бигвай с миской воды стоял рядом. Раненый, стоя на коленях, старался сдерживать стоны. Софэр, зашив лицо, перевязал его полосами разорванной ткани, затем улегся, положив голову на мешок.

- Бедный мальчик! - сказал он мне. - Зачем я потащил тебя с собой! Где же мы найдем

спасение? И впереди гибель, и сзади гибель. Теперь надо, как подобает мудрецу, с достоинством встретить смерть.

Я улегся около Софэра, стараясь заснуть, но от качки меня бросало во все стороны, и часто ноги были выше головы. Я просыпался, раскрывал глаза, смотрел на раскачивающийся светильник и опять засыпал.

Среди ночи я очнулся. Светильник висел неподвижно. Что случилось? Я пробрался между спящими и поднялся на палубу.

Ветер стих. Парус беспомощно повис. Вокруг корабля непроницаемой стеной стоял белесоватый туман. Странный серебристый свет струился сверху. Волн не было. Море, которое так долго бушевало, теперь отдыхало, и его гладкая поверхность медленно то приподнималась, то опускалась - это ровно дышала грудь задремавшего океана.

Вдали послышалось пение. Оно все усиливалось. Раздавались взрывы смеха и крики. В тумане вырисовывался двухмачтовый корабль Лала-Зора. Он казался белым. На передней мачте висел человек. Ясно слышались всплески ударявших по воде весел. До меня донесся отрывок песни бессовестных молодцов Лала-Зора:

Он строил виселицу, гей!

Теперь пусть сам висит на ней...

Что произошло на корабле? Кто повешен? Корабль проплыл мимо, не заметив нас, и скрылся в тумане.

6. ГОСТЬ СО ДНА МОРЯ

Я пробрался на нос корабля, к моей норе, и пролежал там до рассвета. Утром я влез на мачту, уселся в бочку и смотрел кругом, не покажется ли где-нибудь земля.

Несколько раз невдалеке от корабля из воды показывалась громадная черная туша кашалота. Не спеша, выгибая дугой спину, сопя и фыркая, он выпускал к небу фонтан воды и медленно опять погружался в воду.

Внезапно корабль обо что-то ударился. Что это было - кашалот или подводная скала? Несколько человек поднялись на палубу и через борт стали смотреть в воду. Около корабля в глубине плыла громадная светящаяся масса. Она казалась то розовой, то зеленой, отливала молочным блеском, точно перламутровая раковина.

- Это всплыл царь моря, - сказал кто-то. - Скорей спасайтесь!

За первой плыла другая, такая же бесформенная масса. Я различил большую голову с выпученными темными глазами. От головы, как длинные змеи, тянулись щупальца, извиваясь и растягиваясь во все стороны. Щупальца протянулись к стенке корабля и присосались. Два глаза смотрели вверх.

- Осьминоги! Осьминоги! - раздались крики. - Хватайте мечи и топоры!

Все бросились к люку и с грохотом скатились вниз.

На палубе остался один Меремот. Он дремал, разморенный горячими лучами солнца, и проснулся слишком поздно. Я крепко уцепился за мачту, боясь, что от страха вывалюсь из бочки. По стенке корабля медленно подымалась громадная серо-зеленая голова. Ее длинные могучие щупальца перевалились через борт и быстро поползли по палубе. От тяжести этой студенистой массы корабль слегка накренился набок. Меремот скатился к борту и напрасно пытался вскарабкаться к люку, сползая по гладкой палубе. Край головы приподнялся над бортом, на ней наливались красные бугры и наросты.

Два темно-синих глаза чудовища вытянулись вперед на багровых ножках и с любопытством уставились на Меремота. Тот упал на колени, протягивая руки, и кричал:

- Царь моря! Не трогай меня! Я каждый день пять раз молюсь Ваалу! Пожалей меня, я единственный сын у матери!..

Зеленые щупальца быстро поползли к Меремоту, обвили его и легко перекинули в пасть с крючковатым роговым клювом. В воздухе мелькнули длинные, тощие ноги

Меремота.

Зеленая голова чудовища стала багроветь, точно наливаясь кровью. Синие глаза свирепо вращались, а челюсти двигались, перетирая то, что недавно было Меремотом. Одним из щупалец, бывшим в два раза длиннее остальных, осьминог зацепился за люк. Оттуда показался Бигвай и сильно ударил мечом. Мясистый зеленый обрубок завертелся на палубе, как червяк. Из люка, осмелев, стали выбираться корабельщики, и копья полетели в голову чудовища. Тогда осьминог отцепился от борта и грузно шлепнулся в воду. Корабль сильно качнулся в другую сторону, и я едва удержался в бочке. Порывистыми толчками морской владыка погрузился в морскую бездну, оставляя за собой темную жидкость, которая замутила воду.

Страшная смерть Меремота сблизилась всех путников.

Мы собирались кучками и обсуждали, что делать дальше, как бороться с чудовищами моря и всеми другими бедствиями, которые грозили нам гибелью на каждом шагу.

7. СЧАСТЛИВЫЕ ОСТРОВА

Весь следующий день невыносимо жгло солнце, но по-прежнему ветра не было. Корабль на веслах двинулся к северу. По очереди сменялись гребцы. В полдень узкая туча на горизонте подала надежду на ветер. Она рассеялась, и за ней показалась одинокая гора, похожая на перевернутую чашу. Из ее вершины клубился темный дым. Все выбежали на палубу, даже гребцы оставили весла. Софэр поднялся на мостик и смотрел вдаль, прикрывая глаза рукой.

- Что это - материк или остров? - спрашивали все. - Объясни нам, мудрый Софэр. Может быть, это остров Блаженных, где души героев находят себе успокоение после смерти?

Софэр сказал:

- О дети мои! Вам выпало большое счастье увидеть то, чего не удастся видеть обыкновенным смертным. Это те Счастливые острова, до которых не доплывают. Если нам не встретится чудовище, которое ломает корабль, и мы не попадем в водоворот, который уносит суда в подземное царство вечной ночи, то мы увидим Счастливые острова и укажем другим путь, как до них добираться.

Теперь все бодро стали грести, надеясь, что впереди земля, вода и спасение.

Только поздно вечером, когда солнце село, корабль приблизился к острову; над вершиной горы вспыхивали молнии. Было уже темно. Остров резко выделялся на потухающем багровом небе. Корабль осторожно двигался вперед, чтобы не удариться о подводные скалы. Впереди, на побережье острова, загорелись красные огоньки; они перебежали с места на место, встречались и снова расходились.

Темнота все более окутывала море, и все резче разгорались красноватые огоньки. Наконец мы различили узкие длинные лодки. На носу каждой лодки стоял человек; в одной руке он держал пылающий факел, а другой - длинную острогу. Огоньки зашевелились, быстро поплыли в разные стороны и потухли люди заметили нас.

Корабль приткнулся носом к обрывистому берегу. Наши моряки соскочили на землю и канатом прикрепили его к группе высоких пальм.

Софэр начал распоряжаться, точно он бывал уже здесь:

- Слушайте меня, мои друзья! Вы сделали врагами людей страны Канар. Не повторите той же ошибки! Здесь живут люди с сердцами чистыми, как у детей. Чтобы подружиться с ними, нам нужно не напугать их. Вы видите следы костра. Разведем огонь, начнем варить себе пищу и споем песню, а песня призовет к нам жителей этого острова.

Все спустились на берег, полные недоверия к таинственным людям, боясь их нападения. Несколько костров запылало. Усевшись вокруг, мы все запели старинную песню моряков*:

Веселый и смелый, свой дом покинул я

За знойные пределы, за скрип корабля.
"Прощай, жена, да помни! Прощай, малютка сын!"
Дом скрылся за знакомым золотым песком косы.
Нас трепали смерти. Трещал корабль.
У каждого на сердце - голодный краб.
Девять долгих лет, как девять валов,
И каждый рассвет был тревогами нов.
И пришел я из пучин голубых ночей,
Близ дома, так же чист, все журчит ручей.
Красавец на пороге не узнал старика:
"Эй, мать! Оставь тревоги! Расспроси моряка!
Отец ушел в дали, за жгучие моря.
Живем давно в печали и я, и мать моя".
Девять матросов, верней руль держи!
На сердце грузом былой простор лежит.
Эй ты, отпетый! Вперед, простак!
За буйные ветры, за скрип в бортах!

---

* Стихи А. Петрова.

Песня неслась в тихом воздухе и эхом отдавалась в береговых скалах, где в красном свете костров показались люди с длинными белокурыми волосами, падающими на плечи, в коротких одеждах из козьих шкур. Они осторожно и с любопытством приближались к нам. В их руках были камни, дубины и копья с костяными остриями.

Все мы продолжали петь, как будто их не замечая. Островитяне подошли еще ближе, и один старик, с голым черепом и маленькой лохматой седой бородкой, выступил вперед; протянув руки, он пошел к Софэру.

Софэр сделал несколько медленных шагов ему навстречу, и оба, взявшись за руки, смотрели друг другу в глаза. Софэр указал на наших путников, сидевших неподвижно, и сказал: "Бени-Анат". Старик посмотрел на Софэра, на наших людей, видимо обдумывая; потом, указав на своих островитян, сказал: "Уанчи".

Софэр повернулся к нам:

- Эти люди зовутся уанчи.

Островитяне подошли еще ближе и расположились кругом на камнях, наблюдая за нами. Софэр и старик уанчи уселись около огня и начали по очереди говорить, внимательно вслушиваясь в слова. Бигвай стоял поблизости и сказал Софэру:

- Язык этого старика немного похож на язык берберов. Я понял, что он спрашивает: откуда ты родом и зачем мы приехали сюда, на остров.

Тогда Софэр попросил Бигвая поговорить по-берберски. Старик уанчи оживился, услышав речь Бигвая. Все остальные уанчи вскочили, быстро заговорили между собой, брали руки Бигвая и клали их себе на головы.

- Они говорят, что я их брат.

На корабле оказалось еще несколько человек, говоривших по-берберски. Они ласково беседовали с островитянами и старались им объяснять все, о чем те спрашивали. Сперва уанчи всего пугались, осторожно дотрагивались до стенок корабля и отдергивали руки, точно обжигаясь. Потом они стали смелее, измерили шагами длину корабля и очень ему удивлялись, говоря, что не могут построить такого, а умеют изготавливать только лодки, обтянутые кожей.

Скоро все уанчи ушли. У нас всю ночь горели костры, и корабль, на случай тревоги, был готов к отплытию. Но все было тихо и спокойно. Только вершина горы курилась дымом,

который иногда вспыхивал багровым отблеском. Тогда раздавался отдаленный гром, и земля вздрагивала.

8. НАДО СПРОСИТЬ ПРЕДКОВ...

Утром уанчи вернулись и принесли финики, бананы, овечье молоко в выдолбленных тыквах и свежую рыбу.

Старик уанчи предложил пойти вместе с ним поклониться покровителю острова. Софэр условился с Бен-Кадехом, что все наши товарищи будут наготове помочь нам, если мы к вечеру не вернемся. Софэр, Бигвай и я пошли за старым уанчи по скалистой тропинке. Везде валялись куски красных и черных камней, выброшенных огнедышащей горой. Видны были потоки причудливо застывшей лавы с множеством пещер. Всюду подымались цветущие деревья, огромные агавы, кусты лапчатых кактусов и много дикого винограда, обвившего стволы деревьев.

По склонам горы тянулся густой зеленый лес. Зайцы, кролики и дикие козы перебежали дорогу. Мы пришли к селению. Оно находилось на склоне горы и состояло из множества пещер и гротов. Мы заходили в пещеры. Большой простоты и бедности я никогда не видел: ложе - ворох пальмовых листьев, изголовье - гладкий круглый камень. Такие же гладкие камни служили сиденьем и столом. Миски, вырезанные из дерева и лавы, и большие морские раковины заменяли посуду для хранения молока и другой еды. В загородках, сложенных из камней, блеяли овцы и козы. Женщины и дети выбежали навстречу, осматривали нас и ощупывали ткань нашей одежды. На них были рубашки, сшитые из звериных шкур.

Перед селением возвышалось громадное странное дерево необычайной толщины; его ствол состоял из отдельных стеблей, крепко приросших друг к другу, и на верхушке длинные листья выходили прямо из ствола.

Старик уанчи подошел к дереву, упал на колени и что-то пробормотал. Затем вынул из-за пояса нож, сделанный из длинного острого камня, и воткнул в дерево. Когда он выдернул нож, из отверстия потекла ярко-красная струйка. Уанчи обратился к нам, а Бигвай объяснял его слова:

- Это дерево учит нас тесно стоять друг за друга, чтобы все были, как один ствол дерева. Тогда ничто не сможет покорить нас, подобно тому как никакая буря и землетрясения не могли свалить это дерево. Когда первые уанчи приехали на остров, они уже нашли это дерево. Теперь оно достигает вершиной облаков и живет уже несколько тысяч лет*.

---

* Описываемое здесь так называемое "драконово дерево" до сих пор находится на острове Тенерифе и почитается населением. Его возраст определяется в шесть тысяч лет. Из сока драконова дерева добывалась красная краска.

Старик опять упал перед деревом, подняв руки.

- Прости меня, - говорил он, - что я нанес тебе рану, но я сделал это не по злобе сердца, а чтобы показать слепым чужеземцам, что у тебя такая же красная кровь, как и у всех нас.

Старик уанчи поднялся и позвал нас идти дальше. По вьющейся тропинке, среди красных скал, мы поднимались вверх по горе. Миновав узкий проход, мы попали в высокую просторную пещеру с круглым потолком, с которого свешивались длинные белые каменные стрелы*. В куполе было отверстие, и сквозь него виднелось небо.

---

* Сталактиты.

Сперва, после яркого дневного света, в пещере ничего не было видно, но, когда глаза привыкли к темноте, я заметил, что вся пещера полна людей. Они молча стояли полукругом.

Посредине возвышался каменный жертвенник со ступенями. Старик уанчи раздул на жертвеннике угли и положил на них связку красного вереска. Ветки затрещали и стали дымиться. Уанчи запел дрожащим голосом, а Бигвай объяснял его слова.

- О вы, светлые почитаемые предки! Когда-то вы уехали из негостеприимной Африки, спасаясь от несправедливости и обид жестоких владык. Вы поселились здесь, на острове, и жили в труде и братской дружбе. Вы оставили нам примеры мудрости и достойной жизни. Вот здесь перед вами стоят люди из той же страны, из которой вы когда-то бежали. Что нам с ними делать? Утопить ли их в море, отпустить ли их обратно или оставить на нашем Счастливом острове жить вместе с нами?

Старик замолк и стал прислушиваться, закрыв глаза. Две желтые птички* порхали и перекликались под самым потолком. Один из стоявших уанчи упал. Раздался легкий треск, затем сухой шорох, точно зашумели гонимые ветром осенние листья. Старик оглянулся и подозвал меня.

---

* К а н а р е й к и. - Родиной канареек считаются Канарские острова.

- Иди, не бойся! - сказал Софэр.

Я пошел за уанчи. Он наклонился над лежащим, потом показал мне рукой, чтобы я поднял его.

- Только чистые сердцем дети могут трогать руками тела наших добрых предков.

Лежавший был очень тощий человек. Руки и ноги его казались костями, обтянутыми кожей. Я попробовал поднять его - он был легок, точно сделан из соломы. Я поставил его. Лицо его было высохшее, с впавшими щеками, глаза закрыты. Стоявшие рядом другие люди были все такие же, и к каждому была прикреплена тонкая острога с тремя зубцами.

Старик, обняв меня рукой, пошел обратно к жертвеннику. Здесь он повернулся к Софэру:

- Наши предки учили нас бояться людей, живущих там, за морем, откуда восходит солнце. Люди там хотят сделать всех своими рабами. Я спросил предков, как поступить с вами. Они не могут ничего сказать - все они мертвы, но их слова всегда горят в нашем сердце. Мое сердце говорит мне: "Если вы, чужеземцы, не захотите нас обижать, то мы вам дадим землю и лодки, и вы станете нашими братьями".

Софэр ответил:

- Не знаю, что хотят сделать другие мои спутники, но я останусь на вашем острове.

Мы вышли из пещеры и отправились обратно к кораблю.

9. СОФЭР ПОКИНУЛ НАС

Ожидая благоприятного ветра, мы пробыли еще несколько дней на Счастливом острове. Таких островов несколько, они находятся недалеко друг от друга, и на каждом живут люди народа уанчи.

Я нашел глину и изготовил для Софэра много плиток: на них он описал наш путь от Карт-Хадашта до прибытия на остров. Я сделал из глины также круглую печку с решеткой и поддувалом, в которой обжег плитки с записками Софэра. Их он закопал в пещере, где стоят высушенные тела предков уанчи*.

---

* Мумии, набальзамированные народом уанчи, еще в 70-х годах XIX века находились в пещерах Канарских островов. Теперь мумии поломаны и растасканы. Предполагают, что в неисследованных пещерах, находящихся на верху отвесных скал на острове Тенерифе, еще сохранились мумии и другие памятники вымершего народа уанчи.

Я горячо просил Софэра поехать с нами обратно на мою родину, в Авали, и обещал, что

он будет жить у нас как родной. Но Софэр отказался:

- Всю жизнь я искал людей, которые не делают несправедливости и не угнетают слабых. Теперь я нашел их. Может быть, я еще сумею научить их письму и другим знаниям, хотя силы мои слабеют. Когда-нибудь настанет счастливое время - это будет через тысячу, или две, или три тысячи лет, но тогда, конечно, люди уже не будут воевать, не будет насилий, рабства и убийств. Люди будут изучать мир, законы жизни и природы. Они будут раскапывать землю, чтобы узнать, что находится внизу под нами, и тогда найдут мои плитки. Они прочтут о том, как несправедливо и жестоко народы жили в наше время и как трудно было людям устраивать лучшую жизнь. А ты, мой дорогой Эли, поезжай домой. Бен-Кадех - честный и храбрый моряк, и он тебя привезет на твою родину, в Авали. Мою белую ослицу, если она еще жива, я дарю тебе. Ты на ней будешь возить в Сидон для продажи твои глиняные кораблики.

- Нет! - ответил я. - Теперь я стану только моряком. Я видел всякие чудовища - и морские и человеческие, вроде Меремота и Лала-Зора, и теперь меня ничто уже не может утратить.

Когда ветер задул в сторону Африки, Бен-Кадех спросил всех товарищей, не желает ли кто остаться на острове, но никто, кроме Софэра, не захотел поселиться среди народа уанчи.

Когда корабль отплыл от острова и парус наполнился ветром, я с грустью смотрел на берег, где среди уанчи стоял Софэр - самый удивительный, мудрый и добрый человек, какого мне случалось встречать и с которым мне приходилось теперь навсегда расстаться.

Мы плыли несколько дней, и наконец впереди показались линия берега и скалистые горы. Я узнал столбы Мелькарта: черный - с севера и розовый - с юга. Они постепенно раздвигались, и между ними засинел пролив. Там начиналось Внутреннее море, по которому уже нетрудно доплыть до родного Авали, где я увижу Ам-Лайли и, может быть, моего дорогого отца Якира.

Я завернулся в старый плащ, оставленный мне Софэром, и улегся между канатами на передней площадке на носу корабля.

Перед моими глазами выросла наша хижина с пальмой, улица, которая вела к тому пустырю за огородами, где ребята вместе с Гамалиелем играют в шарики. Как они все закричат, когда я появлюсь перед ними! Мы заберемся в старый шалаш, чтобы нам никто не помешал. Много дней придется рассказывать им все, что я видел и узнал за время плавания на "Кокаб-Цафоне".

Как будут негодовать Гамалиель, Бахья и другие на тех, кто обижал нас, и как начнет реветь от страха маленький Ханания, особенно когда я буду рассказывать про осьминога, а затем мы все...

* * *

На этой незаконченной фразе обрывается повесть финикийского моряка о его удивительном путешествии на маленьком парусном и гребном корабле в страну Канар и на Счастливые острова, совершенном две с половиной тысячи лет назад.

Ознакомившись с этой повестью, читатель может убедиться, что и в древние времена, так же как и теперь, люди любили свою родину, трудились, заботились о своих родных и близких; матери так же нежно лелеяли своих детей, оплакивали пропавших и радовались, встречая снова тех, кого считали давно погибшими.

И тогда были пытливые искатели знаний, как Софэр-рафа. Они бродили по разным странам, изучая жизнь народов. Были также ученые, как Сунханиафон-карфагенянин, стремившиеся понять законы Вселенной и происхождение видимого мира и на папирусных или пергаментных свитках излагавшие свои мысли и знания.

Уже тогда мореплаватели, среди которых особенно предприимчивыми и смелыми являлись финикийцы, заводили дружеские связи с разными народами, открывали новые

земли, а за ними пробирались туда купцы и морские пираты; первые вели меновую торговлю, вторые грабили прибрежные селения и увозили захваченных пленных, обращая их в рабов.

Было ли в действительности путешествие маленького Элисара, сына Якира, на крайний Запад, к Счастливым островам, или это фантазия, сказка не это имеет значение; более важно то, что вся жизнь и быт той отдаленной эпохи описаны правдиво. Вот почему повесть "Финикийский корабль" может оказаться полезной и поучительной для наших юных советских читателей, которые из нее узнают, как жили люди две-три тысячи лет назад...

ПРИМЕЧАНИЯ

Ф и н и к и я - страна предприимчивого, смелого, очень одаренного народа **ф и н и к и я н**, занимавших узкую береговую полосу на восточном берегу Средиземного моря. Финикияне называли себя "сынами Анат".

Горные хребты, выходящие длинными мысами в море, создавали естественные удобные бухты, что помогало населению заниматься рыболовством и мореплаванием.

Население использовало каждый клочок земли. Горы расположены террасами, здесь с древних времен культивировались пшеница, а также виноград, оливки и другие фруктовые деревья.

В горах росли ценные кедры, особенно пригодные для постройки кораблей, а также дубы, сосны, ели, кипарисы.

Главными городами Финикии, имевшими большие, удобные для кораблей и хорошо защищенные гавани, были Тир и Сидон. В описываемое время в городе Тире жил могущественный царь Хирам, который, находясь в союзе с царем Соломоном, устроил удобные пути, охраняемые особой стражей, между Египтом, Персией и другими восточными странами. Эта международная торговля очень обогатила Финикию.

Как мореходы финикияне отличались исключительной смелостью. Греческий историк Геродот утверждает, что они, отправившись из Красного моря, обогнули "Черный материк" (Африку), доплыли до геркулесовых столбов (Гибралтара) и далее, Средиземным морем, прибыли в Карфаген.

Финикийские мореплаватели на своих маленьких парусных и гребных судах огибали также Европу и, может быть, заходили в Балтийское море, где на побережье торговали с туземцами, особенно разыскивая "электрон", как раньше назывался янтарь, считавшийся драгоценным и обладающим целебными свойствами.

С о л о м о н - царь Израильско-иудейского царства в Палестине, сын Давида.

Во всех сказаниях ему приписывается особая мудрость. При Соломоне развилась торговля, был создан торговый флот. Он построил в Иерусалиме храм, получивший название "храм Соломона", от которого до настоящего времени сохранились только остатки стен, так называемая "Стена плача".

П и р а т ы. - В древности морские пираты являлись бичом мореплавателей, свирепствуя на всех морских путях.

Счастливые острова. - У древних греков были предания, что на далеком западе, за столбами Геракла (Гибралтар), среди беспредельного грозного океана лежат Счастливые, или Блаженные, острова, на которых обитают тени светлых героев, наслаждаясь безмятежным вечным счастьем, и земли этих островов называются Елисейскими Полями. Об этом упоминает Гомер в "Одиссее", поэт Гесиод и другие.

Древние арабы также упоминали в своих сказках и легендах об этих островах, называя их "Вечными" или "Счастливыми" (Джезали эль-Халидад).

Впоследствии острова получили название "Канарских" - возможно, по имени легендарной страны Канар, якобы лежавшей на западном берегу Северной Африки.

От мыса Джуби до Канарских островов 101 километр.

Они составляли архипелаг из семи больших и нескольких меньших островов.

По мнению некоторых ученых, все эти острова возникли вследствие вулканических извержений. Они покрыты горами. На островах много вулканов, которые до сих пор проявляют свою деятельность.

Существует, однако, мнение других ученых, которые считают Канарские острова и остров Мадейру последними остатками большого материка Атлантиды, лежавшего в доисторические времена в Атлантическом океане между Африкой и Америкой. Об Атлантиде существовало много легенд в древние и средние века. Высказывалось предположение, что загадочный народ уанчи, найденный на этих островах, является также последней группой великого народа атлантов, обитавшего на исчезнувшем материке и погибшего вместе с Атлантидой в пучинах океана.

Н а р о д у а н ч и (или гуанчи) - коренное население Счастливых островов. Его происхождение до сих пор загадочно.

Помимо взгляда, что уанчи происходят от исчезнувших атлантов, существует предположение, что уанчи родственны древним египтянам, потому что они, так же как последние, искусно бальзамировали своих покойников и помещали их в особых пещерах в горах. Много очень древних мумий было найдено настолько высохшими, что каждая весила не более двух-трех килограммов.

Немногие сохранившиеся слова уанчи имеют сходство со словами некоторых североафриканских племен, особенно берберов.

Мужчины уанчи, высокого роста, стройные и сильные, отличались мужеством и отчаянно защищали свою родину, когда в нее вторгались банды морских пиратов.

На каждом острове существовал свой особый правитель, окруженный советом старейшин.

Начиная с XV века на Канарские острова стали прибывать в большом количестве завоеватели - испанцы. В борьбе с ними тогда пали многие уанчи, другие были проданы в рабство, остальные, приняв католичество, породнились с испанцами. Поэтому потеряны все следы об уанчи как об отдельном племени. В настоящее время разговорный язык на Канарских островах испанский.

1930